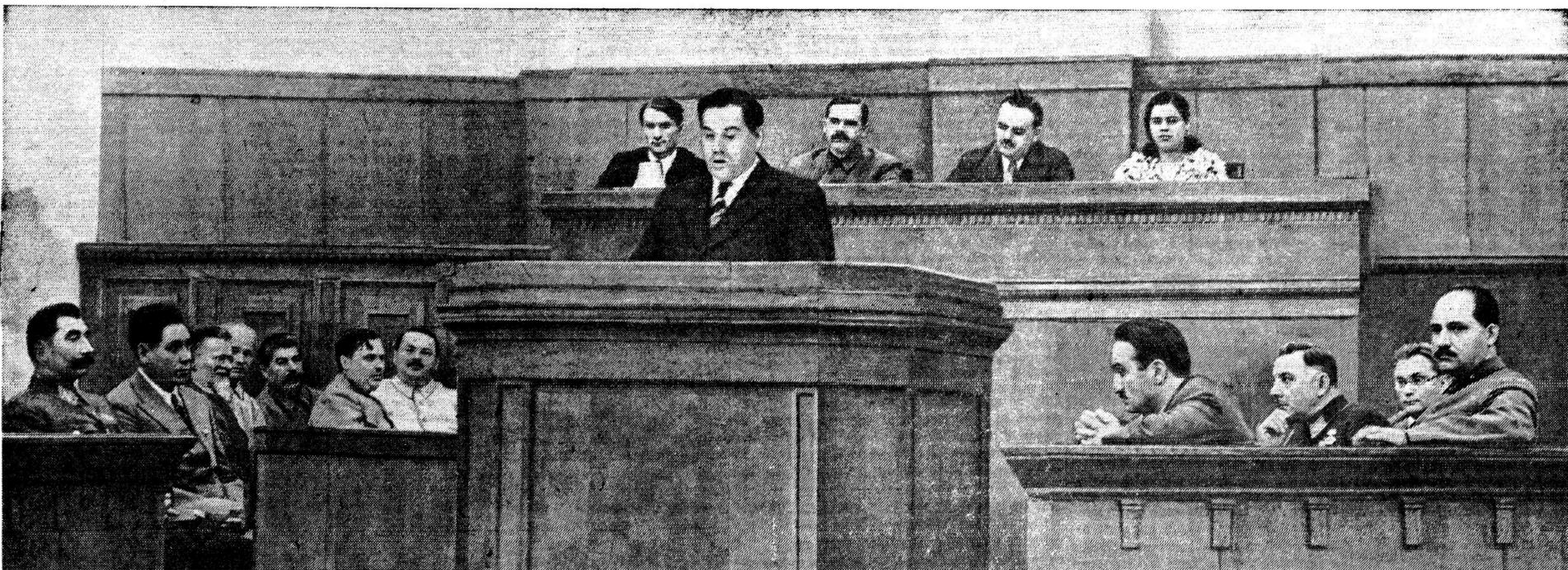

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

АВГУСТ 30 СРЕДА 1939 год № 48 (827) Цена 30 коп.

Внеочередная Четвертая Сессия Верховного Совета СССР. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. В президиуме объединенного заседания, слева направо: заместитель председателя Совета Союза товарищ Лысенко, председатель Совета Национальностей товарищ Шверник и заместитель председателя Совета Национальностей товарищ Асланова. Народный комиссар финансов СССР товарищ Зверев выступает с докладом о проекте закона о сельскохозяйственном налоге. В ложе слева: товарищи Буденный, Бабаев Хивали, Калинин, Хрущев, Сталин, Маленков, Жданов. В ложе справа: товарищи Микоян, Ворошилов, Первухин, Л. М. Каганович.

Внеочередная Четвертая Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА 28 АВГУСТА 1939 ГОДА

28 августа, в 2 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие внеочередной Четвертой Сессии Совета Союза. Сессию открывает Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А. Товарищ Андреев А. А. оглашает перечень вопросов, внесенных на рассмотрение внеочередной Четвертой Сессии Совета Союза. Депутат Шагимарданов Ф. В. предлагает включить внесенные на рассмотрение Совета Союза вопросы в порядок дня внеочередной Четвертой Сессии Совета Союза. Совет Союза единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Проект закона о сельскохозяйственном налоге. Вносится СНК СССР.
 2. Проект закона о всеобщей воинской обязанности. Вносится СНК СССР.
 3. Ратификация договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Вносится СНК СССР.
- По предложению депутата Кузнецова И. А. Совет Союза принимает постановление — доклад «О проекте закона о сельскохозяйственном налоге» заслушать на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей, а обсуждение и принятие решений производить раздельно по Палатам — в Совете Союза и в Совете Национальностей.
- На этом первом заседании внеочередной Четвертой Сессии Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 28 АВГУСТА 1939 ГОДА

28 августа, в 4 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие внеочередной Четвертой Сессии Совета Национальностей. Сессию открывает Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М. Товарищ Шверник Н. М. оглашает перечень вопросов, внесенных на рассмотрение внеочередной Четвертой Сессии Совета Национальностей. Депутат Ванев В. Г. предлагает включить внесенные на рассмотрение Совета Национальностей вопросы в порядок дня внеочередной Четвертой Сессии Совета Национальностей. Совет Национальностей единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Проект закона о сельскохозяйственном налоге. Вносится СНК СССР.
 2. Проект закона о всеобщей воинской обязанности. Вносится СНК СССР.
 3. Ратификация договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Вносится СНК СССР.
- По предложению депутата Ибраимова М. И. Совет Национальностей принимает постановление — доклад «О проекте закона о сельскохозяйственном налоге» заслушать на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей, а обсуждение и принятие решений производить раздельно по Палатам — в Совете Союза и в Совете Национальностей.
- На этом первом заседании внеочередной Четвертой Сессии Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение

О СОВМЕСТНОМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 28 АВГУСТА 1939 ГОДА

28 августа, в 7 часов 30 мин. вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует — Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А. С докладом по пункту первого порядка дня внеочередной Четвертой Сессии Верховного Совета СССР — о проекте закона о сельскохозяйственном налоге выступил Народный комиссар финансов СССР тов. Зверев А. Г.

По окончании доклада тов. Зверева председательствующий тов. Андреев А. А. объявляет первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрытым.

По окончании доклада тов. Зверева председательствующий тов. Андреев А. А. объявляет первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрытым.

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 29 АВГУСТА 1939 ГОДА

Вчера, 29 августа, в 11 часов дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось второе заседание Совета Национальностей. Председательствует — Председатель Совета Национальностей депутат Шверник Н. М. В порядке дня — прения по докладу о проекте закона о сельскохозяйственном налоге. В прениях выступили депутаты Кулагин М. В. (Сызранский округ, БССР), Линник А. Н. (Сумский округ, УССР), Константинов Т. А. (Собольевский округ, Молдавская АССР), Бердыев А. Б. (Ташкентский округ, Туркменская ССР), Стурза Г. Ф. (Батумский округ, Грузинская ССР), Харитонов О. Т. (Вятковский округ, Чувашская АССР) и Менбариев А. Х. (Ялтинский округ, Крымская АССР). По окончании прений Совет Национальностей заслушивает заключительное слово докладчика — Народного комиссара финансов СССР тов. Зверева А. Г. По предложению депутата Веротникова Н. А. Совет Национальностей единогласно принимает постановление — проект закона о сельскохозяйственном налоге, внесенный Советом Народных Комиссаров СССР, в основном принять. Избрать комиссию для рассмотрения поправок и представления на утверждение Совета Национальностей окончательного текста закона. Вслед затем Совет Национальностей утверждает следующий состав комиссии: председатель — Буристанов М. А., члены комиссии — Аглиев С., Аветисов М., Бегиретов М. Д., Бенедиктов И. А., Бердыев А. Б., Будина Е. Ф., Булгакин Н. А., Богданов В. Н., Баталова М. С., Власов К. П., Ванев В. Г., Глыстик Е. М., Дачаев Ш. Д., Давлетьяров Ю., Денинг А. А., Думбадзе Х. М., Ерменов Б., Елисеев Н. А., Ернов Л. Ф., Исмаилов К. Г., Ибрагимов Т., Ибрагимов Р. К., Константинов Т. А., Казанпаев А., Кулагин М. В., Найназарова С., Линник А. Н., Манджиева Б. Т., Маркин Д. Ф., Менбариев А. Х., Муслимовский В. С., Папан М. П., Пушкин В. В., Печказова М. Е., Стурза Г. Ф., Сулиманов Д. С., Темиров И. К., Тюрин П. А., Федченко Д. Н., Харитонов О. Т., Хохлов И. С., Хубаев В. И., Чотчаев М. Ш., Шартава Г. Г., Шамсутдинов Г. Ш., Ясинкин П. М.

Затем по предложению депутата Чамбулатова М. А. Совет Национальностей принимает постановление — доклад по вопросу второму порядку дня Сессии «О проекте закона о всеобщей воинской обязанности» заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза, а обсуждение доклада вести раздельно по Палатам — в Совете Союза и в Совете Национальностей. На этом втором заседании внеочередной Четвертой Сессии Совета Национальностей закрывается.

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА 29 АВГУСТА 1939 ГОДА

Вчера, 29 августа, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось второе заседание Совета Союза. Председательствует — Председатель Совета Союза депутат Андреев А. А. В порядке дня — прения по докладу о проекте закона о сельскохозяйственном налоге. В прениях выступили депутаты Абсаламов Ш. Г. (Чистопольский округ, Татарская АССР), Бутенко Г. П. (Красноградский округ, Харьковская область), Баталин А. П. (Пензенский городской округ, Пензенская область), Верендякин В. В. (Лужковский округ, Горьковская область), Наталевич Н. Я. (Слуцкий округ, БССР), Кириллов И. П. (Сызранский сельский округ, Куйбышевская область) и Немжигараев А. (Актюбинский округ, Казахская ССР). По окончании прений Совет Союза заслушивает заключительное слово докладчика — Народного комиссара финансов СССР тов. Зверева А. Г. По предложению депутата Игнатова

Н. Г. Совет Союза единогласно принимает постановление — проект закона о сельскохозяйственном налоге, внесенный Советом Народных Комиссаров СССР, в основном принять. Избрать комиссию для рассмотрения поправок и представления на утверждение Совета Союза окончательного текста закона. Вслед затем Совет Союза утверждает следующий состав комиссии: председатель — Багиров М. Д., члены комиссии — Абсаламов Ш. Г., Аринова Т., Ахунбабаев Ю., Бадаев А. Е., Баталин А. П., Богданов И. С., Бутенко Г. П., Быков Ф. П., Ведерников А. А., Верендякин В. В., Власов М. Ф., Вознесенский Н. А., Волков А. А., Волков М. А., Вышинский А. Я., Делешко И. А., Егоров Н. Е., Зверев А. Г., Зимин Г. С., Игнатьев Г. И., Кириллов И. П., Клименко Ф. Н., Колесов Ф. И., Комаров П. Т., Кондратенко М. С., Коновалов Е. Ф., Коротченко Д. С., Кочуров Г. Ф., Краснов А. М., Малинов Ф. В., Махаралде Ф. Е., Мельников Р. Е., Наталевич Н. Я., Немченко П. И., Олейников В. Г., Пеньков А. И., Полюнов Ф. И., Саберов М. С., Солянов П. В., Тарасов С. Н., Тронин А. В., Худаев А., Шагимарданов Ф. В.

О ЗАСЕДАНИЯХ ВНЕОЧЕРЕДНОЙ ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

- 31 августа, в 1 час дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.
- 31 августа, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится заседание Совета Национальностей.
- 1 сентября, в 11 часов утра, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится заседание Совета Союза.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МАЙОРА ГРИЦЕВЦА С. И. И МАЙОРА КРАВЧЕНКО Г. П. ВТОРОЙ МЕДАЛЬЮ «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

За образцовое выполнение боевых заданий и выданных героизм, проявленный при выполнении боевых заданий, дающий право на получение звания Героя Советского Союза, — наградить второй золотой медалью «Герой Советского Союза», соорудить бронзовые бюсты и установить их на постаменте на родине награжденных:

- 1) Героя Советского Союза майора Грицевца Сергея Ивановича.
- 2) Героя Советского Союза майора Кравченко Григория Пантелеевича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 29 августа 1939 года.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОМАНДИРАМ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

За образцовое выполнение боевых заданий и героизм, проявленное при выполнении боевых заданий, присвоить звание «Герой Советского Союза», с вручением ордена Ленина и золотой медали «Герой Советского Союза»:

1. Майору Абрамову Константину Николаевичу
2. Капитану Агибалу Михаилу Павловичу
3. Младшему командиру Аношину Михаилу Степановичу
4. Капитану Балашеву Александру Ивановичу
5. Старшему лейтенанту Васильеву Александру Федоровичу
6. Майору Глазынину Николаю Георгиевичу
7. Командру Жунову Георгию Константиновичу
8. Старшему лейтенанту Загородину Николаю Степановичу
9. Майору Зайколову Николаю Николаевичу
10. Старшему лейтенанту Зиселю Афанасию Павловичу
11. Младшему командиру Козлову Виктору Николаевичу
12. Батальонному комиссару Колчаеву Владимиру Николаевичу
13. Младшему командиру Кочетову Михаилу Сергеевичу
14. Старшему лейтенанту Кунину Алексею Васильевичу
15. Капитану Кустову Виктору Павловичу
16. Младшему командиру Мартынову Сергею Петровичу
17. Майору Михайлову Григорию Михайловичу
18. Лейтенанту Мошину Александру Федоровичу
19. Старшему лейтенанту Олову Леониду Александровичу
20. Младшему командиру Понамареву Павлу Васильевичу
21. Младшему командиру Посолову Ивану Васильевичу
22. Старшему лейтенанту Рахитину Виктору Георгиевичу
23. Майору Ремизову Ивану Михайловичу
24. Старшему лейтенанту Снобарихину Витту Федоровичу
25. Капитану Степанову Евгению Николаевичу
26. Лейтенанту Трубоченко Василию Петровичу
27. Командру 2 ранга Штерну Григорию Михайловичу
28. Подполковнику Федонисинскому Ивану Ивановичу
29. Старшему лейтенанту Чистякову Виктору Феофановичу
30. Старшему пилоту Якименко Афанасию Дмитриевичу
31. Командру Яковлеву Михаилу Павловичу

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.
Москва, Кремль, 29 августа 1939 года.

Награждение орденами и медалями СССР командного, политического, начальствующего состава, красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии и работников госпиталей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и мужество, проявленные при выполнении боевых заданий, награжденные орденами и медалями СССР 903 человека командного, политического, начальствующего состава, красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии и работников госпиталей.

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА награждены 83 человека. Среди них — лейтенант Азбукин В. А., младший командир Аминев В. А., батальонный комиссар Астапенко И. Е., бригадир Ахутин М. Н., капитан Большаков А. С., старший лейтенант Босов А. П., заместитель полтрук Бутузов Н. П., полтрук Довнин П. Ф., техник — интендант 2 ранга Дорощев З. С., младший лейтенант Жигалов П. Д., старший полтрук Загренов А. Н., воеффельшер Занин А. Ф., красноармеец Зуев Н. П., военврач 3 ранга Хаханский В. А., майор Мягков П. А., дивизионный комиссар Никишев М. С., воентехник 1 ранга Полювников А. Н., военврач 2 ранга Смолянский З. Е., полковой комиссар Сычев В. А., лейтенант Титов П. И., полтрук Тюдяков Е. Ф., красноармеец Фисенко В. М., красноармеец Фисенко М. М., младший командир Чабан П. М., старший полтрук Чуркин В. И., капитан Шавыро А. М., младший командир Шашура Д. П., красноармеец Шейнин В. И., батальонный комиссар Ююкин М. А.

Окончание см. на 2-й стр.

Награждение орденами и медалями СССР командного, политического, начальствующего состава, красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии и работников госпиталей.

Окончание

ОРДЕНОМ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» награждены 595 человек. Среди них — младший командир Аверин Д. С., майор Агафонов В. С., старший лейтенант Агафонов П. В., красноармеец Агеев Т. Я., красноармеец Азмбав Н. Л., капитан Алексеев Б. И., младший командир Арбузов П. Д., батальонный комиссар Бабичкин Р. П., лейтенант Баканов В. А., сержант государственной безопасности Басалаев Н. Г., заместитель политрука Белин В. В., старший политрук Бибин Н. Ф., старший лейтенант Бланко А. В., красноармеец Блинов Ф. Н., младший политрук Богатырев Н. А., лейтенант Бориченко И. М., старший майор государственной безопасности Бочнов В. М., младший командир Броцкий И. П., красноармеец Бурдуковский И. Е., майор Бурмистров М. Ф., младший лейтенант Бурченко В. Т., капитан Волошин А. И., красноармеец Воробьев А. М., старший политрук Ворожейкин А. В., младший командир Воронов А. И., лейтенант Воротилов Н. П., красноармеец Гольшев И. С., старший лейтенант Голюн В. М., воентехник 1 ранга Григорьев И. С., полковник Гусев, А. И., командир Денисов С. П., лейтенант Дерябин Е. А., красноармеец Долгов В. Г., полковник Душин И. И., майор Егоров С. А., младший командир Емельянов К. Д., лейтенант Заикин Н. Ф., красноармеец Зайцев И. С., капитан Зайцев Н. С., красноармеец Занусилов П. М., полковой комиссар Захаринский С. С., красноармеец Карпов В. А., лейтенант Карпов Н. А., младший командир Карчевский С. Д., красноармеец Каюков А. А., младший командир Каушев И. А., комбриг Норзин Ф. Ф., капитан Коробко Г. Я., старший лейтенант Котин Н. Ф., лейтенант Кулезов А. Я., красноармеец Кутапов Н. А., полковник Лакеев И. А., полковой комиссар Лесов Д. А., младший командир Лузин Н. И., капитан Лукин М. А., лейтенант Лубовцев В. А., красноармеец Макаров В. В., заместитель политрука Макаров В. Ф., майор Макаров М. Г., капитан Матюшин П. П., красноармеец Машкин И. А., майор Меньшов В. В., младший лейтенант Мишенев С. Я., старший лейтенант Митягин П. Г., старший политрук Михайлов К. М., полковник Мишулин В. А., красноармеец Мусатов В. И., капитан Мухомов Ф. С., лейтенант Напалков А. С., старший лейтенант Наровский П. С., полковник Нестерев В. Е., майор Николаев А. П., политрук Николаев Д. М., младший командир Новиков Г. С., младший политрук Новиков С. С., капитан государственной безопасности Панин А. А., красноармеец Панин Б. К., младший командир Панфилов М. Р., капитан Парфенов И. Н., старший лейтенант Парфенов С. Г., старший политрук Перевалов И. П., лейтенант Побед М. П., майор Подолькин И. Е., политрук Поз А. Б., красноармеец Попов Н. А., лейтенант Попов П. В., младший командир Попов Ф. С., комбриг Пось Ф. Ф., полковник Потопов М. И., старший лейтенант Прокняков М. Ф., красноармеец Рогачев Н. К., лейтенант Родионов И. Ф., старший лейтенант Росляков И. И., старший политрук Рулев П. И., интендант 3 ранга Рыжов С. Д., капитан Сидоров Т. И., красноармеец Силев А. Н., майор Слуцков А. Д., лейтенант Суларев Н. Е., старший лейтенант Суворов Н. У., красноармеец Сушин А. Н., майор Терехин Н. В., военинженер 3 ранга Тихонов Г. К., батальонный комиссар Туласов С. Ф., младший командир Холерский М. В., старший политрук Холлов Д. В., красноармеец Червяков А. М., полковой комиссар Чернышев И. Т., полковник Шевченко В. И., младший командир Шенкин С. А., красноармеец Юдин В. А.

ОРДЕНОМ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» награждены 134 человека. Среди них воентехник 2 ранга Акулиничев С. И., старший лейтенант Акимович М. С., младший командир Ананин П. А., красноармеец Ананов П. Н., корпусной комиссар Бирюнов Н. И., воентехник 1 ранга Бакулин С. Г., майор Баранов А. И., военинженер 3 ранга Белоусов А. А., лейтенант Болдырев П. Ф., младший воентехник Верба В. П., старший политрук Глазырин С. К., младший командир Гусев Е. Л., красноармеец Дурин П. Ф., старший лейтенант Жмуров Ф. А., военинженер 3 ранга Заминский Г. И., политрук Калугин И. М., красноармеец Киринов М. И., лейтенант Кудряшев Б. М., красноармеец Куляев К. О., майор Курков Г. С., младший командир Маликов И. И., капитан Мухин Н. И., младший политрук Невазоров А. М., политрук Обухов И. Ф., старший лейтенант Орлов Н. Г., красноармеец Петров В. С., военврач 2 ранга Рабиров А. Ф., красноармеец Савельев Т. И., младший командир Салдаев М. М., лейтенант Самардан Г. М., воентехник 1 ранга Самостунов В. П., интендант 3 ранга Семенов Д. Д., красноармеец Семин Г. М., воентехник 2 ранга Сибирский П. И., военинженер 3 ранга Сидоров И. А., красноармеец Слышкин Н. В., лейтенант Солодилов М. А., младший командир Стогин А. М., красноармеец Сысов В. А., техник — интендант 1 ранга Торопов В. Е., младший командир Трегуб П. Т., капитан Трегубов А. В., младший командир Трещев Д. Г., красноармеец Тенишев Х. А., политрук Юсеев М. О., красноармеец Шалап М. И., младший командир Шкуринко Г. М., красноармеец Шаманов А. Н., старший лейтенант Чугунов М. И., красноармеец Чугунин В. И., младший командир Чернобай И. Г., красноармеец Чернышев Г. И.

МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ» награждены 33 человека.
МЕДАЛЬЮ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» — 58 человек.

(ТАСС).

О литературно-художественных журналах

Если просмотреть комплекты наших литературно-художественных журналов за последний год, даже рядовому читателю бросится в глаза то странное обстоятельство, что эти журналы, в подавляющем большинстве, живут какой-то своей, кособоким образом, не похожей на жизнь нормального советского гражданина в нашей богатой событиями действительности.

В советской действительности был XVIII съезд партии, подведший итоги величественному и славному труду миллионов рабочих, колхозников и интеллигенции, развернувший реальную программу построения коммунистического общества — того справедливого общества, о котором могли только мечтать многие и многие поколения тружеников. В советской действительности происходили исключительной важности и значения процессы: в колхозах — борьба общественного и личного, советского начала, удивительный по размаху рост новых людей — крестьян, воспитанных на колхозном труде и ему беззаветно преданных, и в то же время репрессивная частнособственническая инстинктивная, сказавшаяся в являющих разбазаривания общественной земли путем искусственного увеличения приусадебных участков колхозников.

В советской действительности подводились итоги всевозможной переписи населения, совершались героические подвиги, научные открытия и изобретения, готовились и открывались сельскохозяйственная выставка — величайший плод социалистического труда и науки, строились новые предприятия и в процессе стройки формировались новые люди и новые отношения.

В советской действительности были опубликованы письма Ленина к Инессе Арманд (журнал «Большевик», № 13), поставившие на ленинской чистоте, глубинной и принципиальности вопросы семьи и брака, вопросы, приобретающие новое значение сейчас, в период борьбы за коммунистическую мораль нового общества.

В советской действительности происходили хасанские бои против японских империалистов, когда прекрасную действительность нашу с оружием в руках героически отстаивали и отстаивали верные сыны социалистического отечества. Советские граждане с одухотворенным волнением следили и следят за освободительной борьбой великого китайского народа. Советская страна отставала и успешно отстает от дела мира, и сталинское руководство страны вновь являет примеры гениальной стратегии и тактики социалистического государства в условиях капиталистического окружения.

Все это было и есть в советской действительности. Это является истинным ее содержанием.

Но ничего этого нет в наших литературно-художественных журналах, признанных вести и учить читателя, призванных организовать работу писателя и дать ей нужное направление.

Современные темы, глубоко жизненные и реальные, темы полноводной новизны и великого исторического значения, мало интересуют наши литературно-художественные журналы. Можно, конечно, назвать несколько появившихся за последние годы на страницах журналов произведений о нашей современной жизни. Но как мало среди них таких, которые брали бы эту жизнь глубоко и сильно, в жестоком бою нового и старого, в кипении мыслей и страстей, в полнокровной радости нового, социалистического бытия, во всем богатстве мыслей и чувствований людей нового общества.

«Что же поделять, — говорят ныне «редакторы», — если писатели мало пишут на современные темы!» Это не верно — особенно в отношении писательской молодежи, которая сформировалась в условиях советской действительности. И это совсем неверно в устах людей, от деятельности которых во многом зависит направление и содержание писательского труда.

Пассивное регистрирование рукописей, самоет, отсутствие идейной и организационной помощи писателю, а отсюда — показание кности и лениности мысли известной части советских литераторов, — вот что характеризует работу большинства наших литературно-художественных журналов, среди которых старшие — «Красная новь», «Октябрь», «Звезда» — не только не являются исключением, а скорее — дурным примером. Что дело обстоит именно так, можно видеть по состоянию отделов публицистики и критики наших журналов.

Если не считать так называемых «итоговых» статей, статей юбилейных и различных формальных «откликов», — по публицистическим отделам литературно-художественных журналов нельзя ничего узнать о жизни страны: нет статей по марксистско-ленинской теории и истории партии, по вопросам коммунистического воспитания, по научным и техническим вопросам, по вопросам образования и жизни молодежи, по международному положению, по проблемам, связанным с задачей поднять и пережить капиталистические страны в экономическом отношении. Далеко не достаточно разрабатываются в журналах вопросы советского патриотизма.

Мало того, в этих журналах находят себе трибуну враждебного голоса, пытающегося подорвать чувство советского патриотизма и отвести советского писателя от этой благородной темы. Чем иным, как не враждебной вылазкой, можно назвать утверждения переловой редакционной статьи в № 5-6 журнала «Октябрь»: «Иные писатели из чувства нетерпеливой любви к родине... из желания дать читателю то, что диктует обстановка... временно принимают за свою органическую тему то, что еще не вышло по-настоящему в душе...» В этой наглой фразе «нетерпеливой любви к родине», о том, что советский патриотизм было бы не является для советского писателя органической темой, а эту тему «диктует ему обстановка», за версту видны враждебные ухищления.

Но лучше поставлены отделы критики «отстойных» журналов. Не говоря уже о том, что статьи в этих отделах в большинстве случаев никуда не зовут, а только констатируют плохое и хорошее, мы почти не можем назвать статей, которые вскрыли бы и разоблачили идеологически вредные тенденции, точно их вовсе нет в нашей литературной действительности. По этим отделам нельзя даже составить себе представление о том, какие книги вышли в свет за истекший месяц, а тем более — какие новые явления наблюдались в смежных областях искусства, — настолько эти отделы избегают писать о современном, настолько они беззубы и настолько случайно подобраны.

Отсутствие руководства и организации, печальные плоды самотека наглядно демонстрирует такой журнал, как «Литературная учеба», специально призванный воспитывать начинающих писателей. Странные афоризмы, вроде «искусство писать — это прежде всего искусство жить», или «невежество имеет все преимущества перед «полузнанием», преподносит

этот журнал молодым авторам вместо того, чтобы учить их, как воплотить в полнокровных художественных образах нашу социалистическую жизнь.

Чем объяснить такое непорочное положение в наших литературно-художественных журналах? Тем, что в большинстве из них нет, по существу, лиц, ответственных за идейно-политическое и художественное руководство журналом. Редакторы и члены редакционных коллегий в большинстве случаев перевали себя на положение «исчетных» редакторов. Забыв свою ответственность перед писателем и читателем, они штампуют поступающий материал, иногда даже не читая его. Редакционные коллегии редко где работают, как живые, коллективные органы, а больше являются на бумаге. А президиум союза советских писателей вместо того, чтобы во-время исправить это положение, вместо того, чтобы посоветовать руководить журналами — этими основными звеньями подлинного руководства литературой, отстранился от этой обязанности, предоставив журналы самотеку, в иных случаях — отдав их в распоряжение случайных людей.

Чему же удивляться, если в работе наших журналов, наряду с отставанием от жизни страны и запросов советского читателя, имеют место и грубые политические ошибки, и протаскивание идеологически сомнительных и вредных тенденций, и явные провалы. Совершенно справедливо критиковала, например, «Правда» антихудожественные и вредные стихи И. Сельвинского (№ 5-6 журнала «Октябрь»). Президиум союза советских писателей вынужден был признать справедливой и ту критику, которой «Комсомольская правда» подвергла так называемый «Светост» (№ 5-6 журнала «Красная новь»), где в ряде «пародий» преподносилась читателю махровая пошлость. В том же номере этого журнала допущено безграмотное и политически-ошибочное редакционное примечание к одному из рассказов Лозина. Немало ошибок, а тем более неточных формулировок можно было бы указать в статьях и других журналах.

Само собой разумеется, что при таком положении вещей на страницах журналов находят себе место и произносятся мало художественные, часто плохо отрецензированные. С другой стороны, известен ряд случаев, когда талантливые молодые авторы с трудом пробиваются на страницы журналов сквозь равнодушные редакционные аппараты.

Все сказанное выше справедливо не только в отношении центральных журналов, но в еще большей степени относится к журналам, выходящим на периферии, к журналам союзных и автономных республик и к альманахам краев и областей РСФСР.

Этому нетерпеливому положению в журналах пора положить конец. Во главе каждого журнала должен стоять квалифицированный работник, отвечающий за идейно-политическое и художественное лицо журнала. Редакционеры должны быть обновлены — они должны стать подлинно деловыми, регулярно работающими коллективными органами. Президиум союза советских писателей должен решительно улачить руководство литературно-художественными журналами.

Наши литературно-художественные журналы должны стать и стать подлинными воспитателями социалистических дум и чувств советского читателя, подлинными организаторами и воспитателями литературных сил народов Советского Союза.

М. САПИР

Судьба Герберта Уэллса

Последняя фантастическая повесть Герберта Уэллса «Форменный ужас» («Нолу Тетто») рассказывает о жизни и смерти «Первого Лорда Человечества» Руа Уэллса. Когда будущему первому лорду был от роду один месяц, няня прозвала его за неутомимый крик «форменным ужасом». Ничто не обличало в мальчике будущего необыкновенного человека. Только время, в котором он родился, было необыкновенным. Когда Руа вступил в Кембриджский университет, его поразила «обледающая» — разочарование и сомнения. «Разложение цивилизации продолжалось безостановочно». Человеческое общество «прогрессировало слишком быстро, его классовая дисциплина и традиции расстроились», мир нуждался «в крушительной операции».

Поток времени увлек Руа в политику. Уэллс не снабдил своего героя ни выдающимся умом, ни обширными познаниями, ни большими способностями. Он vychивал из толпы обычных, неуравновешенных, возбужденных, озлобленных, честолюбивых английских юношей случайно попавшегося знания и надежды его качеством «лидера», сознанием своей способности владеть толпой.

Итак, лидер был найден. Руа Уэллсу скоро нашлись друзья или скоро бы нашлись. У них были опыт, разум, знания, — все, чего не хватало лидеру. Партия, группы, связи, программы, дозуги — все это пришло само. Звезд Уэллс с обычным сарказмом рисует нравы современной Англии.

Весь мир должен представлять собою, по Уэллсу, научно организованный средний класс, к которому писатель причисляет себя — образцово малюго буржуа, как он сам говорит. И Руа Уэллсу пытается осуществить идеал Уэллса. В созданном воображением Уэллса идеальном обществе идеи имеют мало значения. Разве английский средний класс нуждается в идеях? Он нуждается в порядке. Руа — противник каких бы то ни было идей.

Организация новой партии, как и нового общества, облегалась и затрундилась в одно и то же время тем, что, по словам Уэллса, «нормальное человеческое существо по своей натуре не питает никакого интереса к общественным делам». Вопреки Аристотелю, человек, как уверяет Уэллс, не общественное животное. Это отключает его от мурavyя. По этой-то причине «его коллективные операции нуждаются в руководстве». И так как либерализм и консерватизм, и лейбризм все идеи безразличны и никто из них не знает, что делать и куда направлять стопы, то все пришло к Руа.

И вот тут-то в дело вмешалась группа Руа Уэллсу, собравшаяся в Голландии. «Партия здравого смысла» захватывала власть в Голландии, создала «мировую полицию», затем «мировую авиацию», подавила лишние руки государства, распавшиеся на отдельные части военные единицы, уже потерявшие к тому времени представление о том, кто враг и кто друг, и создала мировой порядок с Руа Уэллсом во главе, как первым мировым диктатором.

Но новый, уэллсовский, мировой порядок претерпел немало. Руа слушал только лестины и подозревал друзей, все кончилось тем, что он сам погиб.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

В ряде иностранных газет, особенно в «Нью Йорк Тайтунг», сообщается, что советское военное командование будто бы отдало от западных советских границ 200—300 тысяч войск на Восток для усиления восточных границ. ТАСС упорно молчит, что это сообщение совершенно не соответствует действительности.

М. ЖИВОВ

«ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА»

Среди первых иностранцев посетивших Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, был литовский писатель Петрас Пиврка. В отъезде с выставки, напечатанном в «Литературной газете», он выражает свое восхищение изумительными пейзажами и экспонатами, которые «говорят о необычайном материальном и культурном подъеме советской деревни». Неподдельным восторгом дышет слова его, когда он называет выставку «скачайной Шехерезады победившего социализма».

По чувствам литовского писателя станут нам еще понятнее, когда мы перечитаем его роман «Земля-кормилица», а вышедший у нас на русском языке около года назад и, к сожалению, не привлечший внимания критики, которого он по праву заслуживает.

«Земля-кормилица» — это повесть о литовском крестьянстве, о его борьбе за самостоятельность Литвы, о его стремлении к свободному существованию в о крушении его иллюзий.

В небольшой книге, волнующей своей правдивостью, Пиврка показал историю литовского крестьянства с тех дней, когда оно было охвачено радостью утверждения самостоятельности Литвы, но напало время. Легко и безропотно перенесла народ тяготы борьбы: его подстегивала вера в будущее. С трехпятилетней тревогой ждали крестьяне выборов в первый литовский сейм, связывая с ним свои чаяния и надежды.

Главный герой повести Пиврки — Юрас — полон глубокой веры в торжество нового, справедливого порядка. Он полководец с фронта, женился на красивой Монике и теперь жлет сына и землю. Он поддается общему возбуждению, слышит со стен и столбов плакаты и объявления христианских демократов, бегад по деревням с ворохом прокламаций.

Петрас Пиврка показывает дни подвоя и как подвоя этот был позван новым правителями Литвы. Петрас Пиврка открывает политику община крестьянских масс, вытеснившая в кузницу и жалкую «земельную реформу». От огромных барских земель земледельцы отделили жалкие клочки, и крестьяне понастроили там убогие лачуги. Пиврка показывает также, почему удасть обмануть крестьян: он не скрывает их неподготовленности к политической революционной борьбе. Пусть хоть клочок глины, но зато свой, — уехали они себя и продолжали верить, что своими крепкими руками им удасть создать что-нибудь на глине, опущенной «сердобольными» барями.

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

сти. В компетентных кругах утверждают, паоборот, что в виду обострения положения в восточных районах Европы и в виду возможности всяких неожиданностей, советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР.

Юрас не хотел славиться. Он пытался обнаружить причины несчастий и найти выход из тяжелых бед.

Может быть, всему виновно то, что забрал в сейм не тех, кого следовало? Петрас Пиврка рисует картину новых выборов, вновь пробудивших надежды в Юрасе. Конечно, если послать в сейм Ливонизаса Петросаса, дело пойдет иначе. Он — местный кузнец, во время борьбы за независимость чинил оружие и точил штыки повстанцам и партизанам, а год назад осадил агитированного в церкви папа. Петросас кричал на митингах: «Если понаоборот, мы снова возьмем оружие. Из сопкины выкуем. В Литве не будет буржуев!» Крестьяне кричали: «Граждане, выставим Дивонизаса в сейм!» И другие поддерживали: «В сейм! Пускай он заступится за нас и наши земли!»

Петросас сидел в сейме, но буржуа остались не только остались, — они, а не Петросас вершили дела. Новой жизни не было. Все шло по-старому. Осенью собирали урожай да зернышка, но он переходил в закрома барина, крейторов, ростовщиков, пола, звоняра, а селяне оставались мякина. Из нее делал хлеб. А весной все сплели с крыш солому, рубили из нее сечку и кормили скотину.

И когда в деревню, где жил Юрас, пришло известие, что за Неманом происходит волнения, что крестьяне поднялись на борьбу за свои права, что все дороги, ведущие в уездные города и базары местечек, охраняются стражей из самих крестьян-забастовщиков, Юрас собрал крестьян, объяснил им, что там люди ползут пример, как нужно разворовать с господами, а сам вызвался первым сторожить шоссе, которое ведет в Каунас...

Петрасу Пиврка, как и его герою, не вполне ясно эти подлинные пути организационной революционной борьбы. Но ему, как и Юрасу, ясно, что так долгие жить невозможно, что надо бороться за новую, лучшую жизнь.

Петрас Пиврка написал высокохудожественное, реалистическое произведение, привлекающее своей простотой, трогательной правдивостью, волнующее внутренней трагической напряженностью. Это — одно из лучших произведений литовской литературы последнего времени, и советскому читателю оно открыло новую страницу о жизни крестьянства соседней Литвы.

Когда мы вспоминаем этот роман Петраса Пиврки, нам становится понятны те чувства, с которыми он осматривал Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Патриот, глубоко любящий свою родину, свой народ, Петрас Пиврка не мог не думать о многогранным литовском крестьянстве, когда восхищался у нас на выставке замечательными рисунками поточков, мозаичными панкетами, фресками, панно, скульптурами или «еще более великолепными плодами, овощами, фруктами — золотыми дарами колхозных полей». Выставка нагляднейшим и убедительнейшим образом показала писателю, каких огромных успехов достигла колхозное крестьянство страны Советов на пути своего социалистического развития. Именно поэтому так глубоко и неподдельно было его восхищение, так искренно было его заявление: «Это грандиозное зрелище радует друзей Советского Союза, оно должно вызывать чувство зависти и смущения у его врагов».

основное в развитии общества — законы этого развития. Его утопии проектируются в безвоздушное, нереальное, неисторическое будущее.

Писатель большой фантазии, Уэллс лишен исторической интуиции. Он не только разумом не знает (потому что не желает знать), но и чутьем не угадывает (а это он желал бы) действительных путей развития человечества. В этом — пределы его крупного таланта. Большой писатель нашего времени силой своей интуиции и воображения должен предугадывать и рисовать те живые, реальные пути, которыми общество пойдет в своем движении в будущее, те реальные конфликты, которые ожидают его на этих путях, те вероятные препятствия мирового характера, которые ему придется преодолевать. Движение мира в будущем — это цепь конфликтов, реальных столкновений, борьбы, в процессе которых и будет складываться живое лицо будущего, будут решаться вопросы будущего общества. Будущее мира возникает не из грязных правых буржуазных настояний, а из великих конфликтов идей, сил, классов. Но этого Уэллсу не дано понять.

«Я не верю в превосходство неполноценных», — писал Уэллс в своей автобиографии, разумея под «неполноценными» протетарата. Ему поэтому не в кого верить, кроме великих «исключительных людей», возмущавших из ничего. Он поэтому не может видеть ничего сильного, великого, полноценного в настоящем. И он поэтому всегда оставляет нас, да и английских читателей, неудовлетворенными.

Уэллс и сам должен был наконец почувствовать, что не все обстоит благополучно с его мировоззрением. Ноги явною негесимами чувствуются в его послезавтрашнем, выпавшем в начале августа. Это попытка подвести итог и возложить в краткой форме наблюдения и возмущения, которыми Уэллс развлек на протяжении пятидесяти лет в восьмидесяти с лишним книгах.

Уэллс предсказывает всемирную катастрофу (он в этом далеко не оригинален: в Англии, Франции ничье много песомиситов). Уэллс уже не верит в возможность

многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

В конце концов пришлось и Юрасу пойти на поклон к управляющему, а весной отработывать долг за помещичьим огороде, в саду, в питомнике, забросив собственное хозяйство. А когда у управляющего...

Многогранным Ювом предстает перед нами герой романа Юрас. Он убедился уже, что новая жизнь хуже старой барщины. Управляющий Ярмала умудрился превратить имение в «показательное» хозяйство, а фактически — в свою вотчину. Крестьяне, потеряв вчерашнюю смелость, достигли с головы шапку перед новым господином, стибаясь до самой отвоғанной или земли». К Ярмале шли на поклон и вымаливали в долг немного зерна или несколько грошей, чтобы не умереть с голоду. Ярмала охотно давал деньги, закапывая крестьян: долги с каждым годом увеличивались за счет процентов.

Рассказы Леонида Соловьева

Ю. ОЛЕША

Опустивший провинциальный трагик занесен судьбой в маленький городок близ фронта гражданской войны.

Городок занят красными. Однажды комиссар отряда, занимающего городок, вызывает к себе трагика и ставит ему требование написать пьесу, которая должна быть боевой дух красноармейцев.

«Мамонтов остолебенел. Комиссар не слушал его возражений. — На фронте у нас был один солдат — церковно-приходскую кончил и мог сочинять стихи. А ты, полк, гимназию кончил, как же ты сочинять не можешь? Это, выходит дело, саботаж?»

Страшное слово напугало Мамонтова до слабости в ногах, он торопливо согласился.

Актеры живут за кулисами. На отпущенные идут скамьи из зрительного зала. Дряхлый, озлобленный друг против друга. Враздуют из-за места поближе к печке.

Трагик, забывшись в угол, пишет пьесу.

«Андрей:—Наша цель—свобода, равенство, братство»,—тоскуя, писал Мамонтов, а тремя строчками ниже—опять: «Мы любим равенства, свободы и братства»... Писать более революционного он придумать не мог, напевая в унылый палец, галочку и выходя на площадку проветриться».

Актер Логинов ненавидит трагика. Общение последнего с комиссаром кажется Логинову позорительным. Не служит ли трагик в чужа? Происходят бурные столкновения. Логинов грозит повесить трагика в тот день, когда придет белые.

За кулисами, кроме Логинова и трагика, живут еще суфлер и бывший антрепренер. Суфлер—трус, антрепренер—бойкий приспособленец.

Пьесу трагик написал, комиссар отверг ее.

—Обидел я тебя, товарищ артист. Ничего не поделаешь—время такое, влянуть не приходится. Давай, пиши другое.

И трагик с такими же муками стал писать другую пьесу. Ему пришлось в голову, что Логинов, зорливо огибающий поражения красных, вполне соответствует непопулярному в пьесе образу офицера-палаца. Трагик представил себе на месте этого персонажа Логинова, и дело пошло.

Комиссару пришлось отбыть на фронт. Вскоре пришло известие о его героической гибели. Он был расстрелян белыми.

Трагик написал пьесу, как потребовал от него комиссар,—пьесу, которая поднимала дух бойцов, и эта пьеса оказалась пьесой о самом комиссаре, о его героической смерти.

Было представление пьесы, и трагик исполнил роль комиссара. Старое вхождение вернулось к нему.

Спектакль был восторженно принят красноармейцами. В этот вечер старый трагик вновь обрел славу. А слава уже давно ушла от него. Уже был такой час, когда в трактире пьяный купец предлагал ему съездить в жеманную за бутылку водки.

В городок вступили белые.

Антрепренер решил поставить монархическую пьесу. Какую? А ведь есть же пьеса. Та же самая, что написана трагиком. Только умирать будет офицер, а расстреливать его будут красные. Роль офицера-героя исполнит тот же трагик.

Происходит представление.

«Приближался последний, знаменитый монолог Мамонтова, тоскуя, думал, что монолог чересчур длинен—две с половиной страницы, надо завтра же сократить... И вдруг с необычайной ослепительной ясностью вспоминался ему комиссар Ефим Авдеевич, лицо, походка, голос...»

Трагик останавливается. Он чувствует необходимость произнести те слова, которые он произносил столько раз перед иной

Л. Соловьев. «Рассказы». Из-во «Советский писатель», 1939 г.

аудиторией,—премертвые слова расстрелянного комиссара. Страшно возмущен охватывает его. Он знает, что если он произнесет эти слова, его ждет гибель, но он должен это сделать, чтобы освободить совесть. Слова, проливающие белых, уже готовы сорваться с его уст, но в последнюю секунду он слабеет.

Затем ночь, там же, за кулисами.

«Он не обманывал и не утаивал себя. В ту ночь, когда над городом выли снаряды, красные унесли с собой его талант, славу, образ Ефима Авдеевича,—все это принадлежало им. «Остася мешок с костями!»—горько думал он.—Дырявый мешок!»

Трагик принимает решение бежать к красным, по это не удается ему. Пуля настигает его.

Мне кажется, что лучше было бы оканчивать рассказ на убийстве трагика, а просто смертью его. Лучше было бы, если бы просто разорвалось его сердце, не выдержав борьбы. Разумеется, не на сцене, а потом, после спектакля, за кулисами или тогда, когда он пускается в путь.

Если бы трагик умер, а не пал под пулей, его смерть была бы более героичной. Смерть от укора самому себе.

Сюжет, обработанный Л. Соловьевым, рисованный сюжет. Монолобы получились сентиментально, натянуто. Фигура опустившегося трагика не нова. Однако перед нами хороший рассказ. Это потому, что сюжет попал в руки талантливому писателю.

Логинов, антрепренер, суфлер—эти три персонажа не изобретены автором. Они повторяют то, что было у других авторов, особенно в первых советских комедиях. Зато удался Соловьеву образ комиссара.

Делаясь впечатлениями о той или иной книге в тесном кругу, мы, писатели, нередко позволяем себе говорить о том, что это или другое место в книге вызвало у нас слезы. В критической статье такой аргумент в пользу автора считается недопустимым. В таких случаях пишут, что в рассказе или в повести данного автора есть теплота. Скажем и мы, что в «Трагике» Соловьева много теплоты. Вот как, например, описан момент, когда появляется за кулисами перед выходом на сцену трагик, собирающийся исполнить роль комиссара:

«Красноармейцы столпились в узком проходе за кулисами, переговаривались вполголоса и курили, пуская дым в рукава. И вдруг, оробев, они побросали свои пыгарки, выгнувшись смиренно: перед ним появился Мамонтов—в красных штанах, с деревянным наганом у пояса, в полуразпахнутой кавалерийской шинели до пят. Густой грим срывал его бланкость. Заметив красноармейцев, он еще подтанулся и прошел мимо четким военным шагом, звеня шпорами, не горбя спины».

Тема опустившегося и вновь поднимающегося человека—одна из наиболее впечатляющих тем в литературе. Леонид Соловьев разработал ее на новом материале, и рассказ его получился, на мой взгляд, очень хорошим.

В сборнике, рецензируемом нами, шесть рассказов. Три рассказа касаются Средней Азии. Лучший из них—«Девяностолетняя женщина». Герой его—миллионер Чоракский сельсовет Салык Ходжаев—«звезды перетянутый желтыми ремнями». В городе было девяносто пять женщин, укрывшихся чадрами. И вот появилась девяностолетняя женщина. Под женским убором и под чадрой, которую никто не смеет поднять, скрывался организатор басмаческих шаек Али-Полван, грабитель и убийца.—об этом известно Чоракской милиции. Садаку поручено изловить басмача. Это долго не удастся ему.

Наконец, созидается в помещении чайханы собрание женщин. Ведь не посмеет же не явиться Али-Полван! Именно из предосторожности он и явится.

Тут Салык потребует почитать чадры. Безусловно, услышав это требование, бандит выстрелит в милиционера. Ну что же! Салык готов к этому. Требование объявляется. Женщины возмущены.

Салык объясняет причину. Тогда одна за другой женщины поднимают покрывала. Салык жлет, прижавшись к стене. Выстрел раздается. Пуля падает в одну из женщин. Басмач обнаружен. Женщины бросаются на него. Он схвачен.

С тех пор, говорит автор, девяносто пять женщин горного кишлака Чорак ходят открытыми.

Великолепен конец рассказа:

«Упомыю еще о раненой женщине: имя ее Салат, что значит по-русски: счастье. Через месяц она выписалась из больницы и вернулась в родной кишлак с богатыми подарками от райкома и инспектора. Али-Полван был расстрелян в Кованде».

То, что строчка о судьбе раненого героя истории поставлена в самый конец, говорит о вкусе автора. Это звучит очень энично. Автор понял, в чем формальная прелесть пушкинского «Киржале» или рассказов Мерима.

Сюжет поговорить с Соловьевым о сравнениях, метафорах и прочих украшениях речи. Он часто прибегает к этим украшениям. Особенно изобилует ими рассказ «Новый дом».

О тонорах сказано: «сизые крылья мужских топора». Это хорошо. Или, например, изображение леса при появлении тумана: «лес сразу отступил версты на две». Эпитет, отягченный к уткам, кажется мне непреодолимым: разговорчи-вые утки! Можно представить множество примеров точных, ярких, неожиданных определений. О черных волосах женщины автор смело говорит: синие.

Однако есть ошибки в этой игре сравнениями. Разве не кажется автору лишним слово «забитые» там, где обласка «сучатся». Описывая, например, фигуру председателя колхоза в том же рассказе «Новый дом», Соловьев сперва говорит, что щеки у председателя были медные. Имеется, стало быть, одно металлическое сравнение. Несколькими строками ниже обнаруживаются чуждые аналогии того же председателя. Медь, чугун. И затем председатель кладет на полочки булжанный кулак. Пожалуй, по недомомоту, получился у автора такой сплав эпитетов!

И совсем уж плохо, когда за «медной небритой щекой перекатывался крупный, как грецкий орех, желвак».

Сравниваются скруды с крышами.

«Скруды стояли, как большие соломенные крыши, опущенные прямо на землю».

Подумайтесь, какая находка! Соломенные скруды похожи на соломенные крыши.

Очень часто, найдя хороший эпитет, оживляешь еще несколько, которые тоже кажутся обязательно нужными в данной фразе. На самом деле, без них можно прекрасно обойтись, и даже наоборот: первый эпитет, самый лучший, от этих сучников туснеет.

Например, у Соловьева: «Костным доском отблескивал его желтый, сухой череп...»

Как точно сказано: «костный доск!» Зачем же еще костный доск желтого сухого черепа? Ведь то, что череп был сух, именно и вызвало у автора представление о костном доске!

Таковы, на мой взгляд, формальные ошибки Леонида Соловьева. Их очень легко избежать. Главное: этот писатель умеет изображать человеческие характеры, он выматывает к природе, его интересуют новые отношения между людьми, у него есть юмор, фантазия и теплота.

История Ярославского края

В. ШКЛОВСКИЙ

Книга товарища Генкина состоит из описания Ярославского края в конце XVI и начале XVII века, из рассказов о польской интервенции в этом крае и сопротивления, которое оказало ей крестьянское население.

Отдельным приложением дана история Ивана Сусанина.

Лучше всего разработано в книге описание самой интервенции.

Описание сделано на цитатах из записок самих захватчиков.

Цитаты выбраны, систематизированы, подкреплены выписками из русских документов. Получается картина безудержного, наглого, бессмысленного, беспощадного грабежа.

В ответ на бесчинства «загонных людей» подымается крестьянское восстание. Это восстание, которое заставляло интервентов говорить, что русский народ «неистощим в сопротивлении».

В книге хорошо устанавливается народный характер восстания.

Может быть, можно было больше подчеркнуть появление в среде восставших иен о русском государстве, о государственном, а не государственном деле.

В книге показаны условия, которые делала страна, чтобы вооружиться. И хуже показана стратегия восстания.

Ярославский край богатист. Вся местность между Мологой и Шексой—сплошное болото. Болота лежат под Пошехонью, болотиста граница с Тверским краем, около Романова-Борисоглебска—болото. Из текста Генкина мы видим, что остатки ополчения ушли в Тотемский уезд на Унжу и в Кологрив. Этот Кологрив, как это видно из названия (грива, длинное возвышение), лежит среди болотистых мест на берегу Ужы, с севера—болота. Около Тотмы востанвшие вероятно задержались на берегу реки Сухоны, где и сейчас остались укрепления.

Вообще бы крестьян с интервентами надо было бы анализировать с картой. И.

Л. Б. Генкин. «Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века». Ярославское областное изд-во, 1939 г.

Интересно отметить, что интервенты разбивали крестьян зимой, когда болота становились проходимыми.

Подбор фактов в книге Генкина хорош, но факты не противопоставлены друг другу. Они не освещают друг друга взаимно. Не сделана вторая статья работы.

В книге Генкина видны люди. Сам подбор фактов показал новых героев русского народа. Виден такой человек, как Никита Вышеславцев, вокруг которого организовывались крестьянские отряды.

Показывая измену игумена Борисоглебского монастыря под Ростовом, товарищ Генкин не отмечает, что этот монастырь имел от Салегя охранное знамя и что в этом же монастыре жил монах Николай де-Мело, польский резидент, о шпионской работе которого сам же Генкин сообщает.

Тут опять тот же недостаток книги: факты лежат рядом, но они не сопоставлены.

История ополчения Минина и Пожарского дана сравнительно белло. Четырехмесячное пребывание ополчения в Ярославле не проанализировано. Даны указания, что приходили крестьянские делегации, есть данные о совете всей земли, но не рассказано, как вооружалось ополчение.

Между тем ярославский период ополчения—это то время, когда оно получило оружие, когда все люди были одеты в сукно, когда люди начали кормить из котлов, т. е. бойцы перестали расхаживать по деревням.

По существу говоря, в Ярославле организовалась армия со многими признаками регулярной.

Вместо анализа дано четыре строки о «гигантской созидательной работе» (стр. 164).

Оболен вопрос о том, почему так долго сидели в Ярославле Минин и Пожарский. Старый Авраамий Палицын в своем купураторном повествовании писал, что Минин и Пожарский были трапезолюбцы и что они еле вытаскивали из Ярославля.

Иван Забелин в книге «Минин и Пожарский, прямые и кривые в смутное время» опроверг Палицына и указал, что сам трошский келарь имел тушинские связи и замыслил измену. Вот что пишет об этом Забелин:

«Нет, спешить было не только невозможно, но и не было разумно. Кто особенно хлопотал о том, чтоб нижегородцы пришли под Москву как можно скорее? Очень хлопотали об этом явные враги нижегородского движения. Заруцкий с своей атаманшей и весьма двусмысленный Трубецкой, отпавивший своим вину своему же восторству, что его все приносили в вороским затаем, в роле присяги псковскому вору. Они народного, собственно земского движения, боялись, как правдывого суда над своими поступками, ибо эти посланные мужики непременно сосчитали бы, сколько забрали вотчин и всяких доходов и куда все это, кто пользовался. Поэтому тушинским боярам нужно было оторвать ополчение от остальных городов, оторвать от его колоней от земли, а там под Москвою легко снова его развезть в разные стороны. Летописец прямо и утвердительно говорит, что Заруцкий хотел «оное собрание, стоящее в Ярославле, распылать» (стр. 90).

Возможно еще одно объяснение, которое не отвергает объяснения Забелина. Дело в том, что в ярославских местах хлеб достигал желтой спелости приблизительно к 20 июля, а выступила Пожарский 27-го.

Если к этому прибавить, что к концу его пребывания в Ярославле ополчение стремилось занять как можно больше территории, если учесть несомненный крестьянский характер ополчения, которое вло хотя бы из писем полков к Пожарскому, то станет ясным, что ополчение убрало хлеб перед походом.

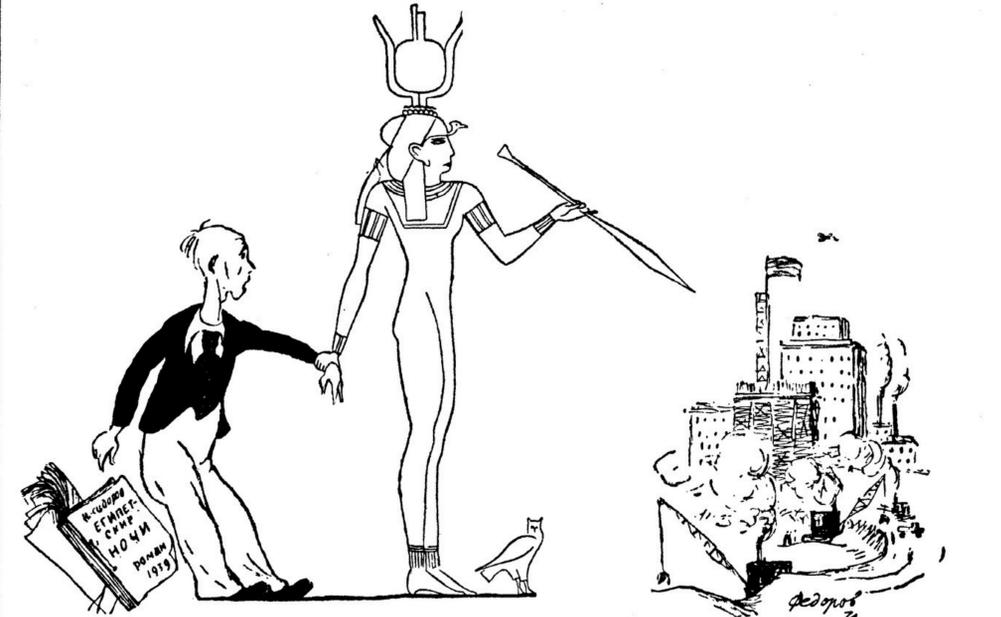
Книга Генкина—книга нужная. История—наука конкретная и на местах ее хорошо разрабатывать. Можно больше ухватить и лучше понять.

Книга Л. Б. Генкина—интересная, добросовестная, но вал ей можно работать и дальше. В частности, можно изменить ее иллюстрации, которые пока взяты из вторых рук и часто несомненно текст.

Возможно еще одно объяснение, которое не отвергает объяснения Забелина. Дело в том, что в ярославских местах хлеб достигал желтой спелости приблизительно к 20 июля, а выступила Пожарский 27-го.

Если к этому прибавить, что к концу его пребывания в Ярославле ополчение стремилось занять как можно больше территории, если учесть несомненный крестьянский характер ополчения, которое вло хотя бы из писем полков к Пожарскому, то станет ясным, что ополчение убрало хлеб перед походом.

Рисунок М. Федорова.

Поэт идет: открыты вежды, Но он не видит никого,

А между тем за край одежды Прохожий дергает его...

А. С. Пушкин. Египетские ночи.

И. ЗВАВИЧ

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ «ТАЛЕЙРАНА»

У академика Тарле есть горячие поклонники, есть и убежденные противники. Но ни спешащий-историк, ни рядовой читатель не относятся к его книгам безразлично.

В чем причина успеха книг академика Тарле, успеха незаурядного и, на наш взгляд, заслуженного? Как нам кажется, она кроется прежде всего в литературном таланте автора, который соединяет историческую эрудицию с мастерством образного изложения. Можно не соглашаться с академиком Тарле по второстепенным или даже по основным вопросам толкования исторических событий, но нельзя отрицать этих достоинств его произведений.

Книга Е. В. Тарле «Талейран», вышедшая первым выпускном новой серии «Жизни замечательных людей», служит прекрасной иллюстрацией литературного таланта ее автора. Книга эта невелика. В ней всего около восьми авторских листов, если опустить библиографию, приложения, оглавление и иллюстрации, на которые не поступило издательство и которые в книге имеют подчас лишь косвенное отношение. Но краткая биография Талейрана, которую дал нам академик Тарле, читается как увлекательный роман, от начала и до конца.

Как и другие работы Тарле, эта книга отличается прежде всего четкой пролауанностью интерпретации. Однажды дав определенное толкование образу Талейрана, академик Тарле не отступает от него ни на шаг, и благодаря этому создается цельный образ. Академик Тарле не ставил перед собой задачи ввести читателя в лабораторию своего исторического исследования. Он не утомляет читателя авторскими

ми сомнениями по поводу тех или иных фактов, не согласующихся с его интерпретацией образа Талейрана, не уводит читателя от основной линии своей темы отступлениями для выяснения отдельных спорных моментов. Эта черновая работа была сделана автором до того, как он начал писать свою книгу. Леса убраны; они не загораживают знания. Результат его изысканий предстает перед нами в совершенно готовом виде.

Автор прежде всего—рассказчик. Он широко пользуется тем оружием, которое так редко встречаем мы в трудах наших профессиональных историков. Это оружие—шутка, та самая шутка, в которой заключена язвительная доля правды. Е. В. Тарле любит исторический анекдот как иллюстрацию живой ткани исторического процесса. Биография Талейрана позволяет развернуть редкое собрание исторических анекдотов, метких характеристик, занятых Талейрану его современниками. И Е. В. Тарле пользуется этим, как никто, они соизучены и близки таланту автора, таланту насмешливому и умудренному опытом.

Основной тезис книги Е. В. Тарле лучше всего изложить словами автора. «Талейран был дипломатом начинавшей эпохи буржуазного владычества, эпохи победоносного наступления капитала и крушения феодально-дворянского строя, и именно Талейран первый уловил, в каком направлении следует видоизменить старые дипломатические навыки» (стр. 6). «...Талейран оказался человеком новой, буржуазной эпохи не только потому, что всю жизнь, изменяя всем правительствам, неустанно служил и способствовал процветанию всего того, чего достигла крупная буржуазия при революции и что она старалась обеспечить за собой при Наполеоне и после Наполеона. Даже в самых

приемах своих, в методах действия Талейран был дипломатом этой новой, буржуазной эпохи. Не аристократический «вор» с его групповыми интересами, но дворянство с его феодальными привилегиями, а новое, созданное революцией буржуазное государство с его основными внешнеполитическими потребностями и задачами—вот что обозначал Талейран термином «Франция» (стр. 10). «Поскольку Талейран, совершенно независимо от своих всегда своеобразных субъективных мотивов, способствовал упрочению победы буржуазного класса, постольку он объективно сыграл положительную, прогрессивную историческую роль... Талейран жил и действовал в эпоху круто излупого в гору капиталистического развития, в эпоху расцвета и быстро прогрессирующего расцвета буржуазного класса Франции, когда этот класс еще мог и хотел отстаивать свои интересы и свои претензии перед лицом буржуазии других стран всеми имеющимися у него средствами: то огнем и мечом, то дипломатическим искусством. И тогда к этому классу шла на помощь самые могучие войны, самые блестящие дипломаты, самые нужные ему таланты во всех сферах политической деятельности,—к нему шли Наполеоны и Талейраны» (стр. 12—13).

Этот основной тезис книги Е. В. Тарле—утверждение объективной прогрессивности деятельности Талейрана—так решительно расходится со свидетельством большинства современников, что автор считает необходимым для себя привести хотя некоторые из этих свидетельств в свою пользу. Е. В. Тарле находит их у авторитетных писателей—Людвига Берне и О. Бальзака. Но нам кажется, что в обоих случаях, в угоду своей интерпретации Талейрана, автор неправы истолковывает тексты.

Начнем с Бальзака.

Характеристика Талейрана дана у Бальзака в «Отте Горно». Она вложена в уста злодея Вотрена. Академик Тарле цитирует эту характеристику: «...князь,—в которого каждый бросает камень и который достаточно презирает человечество, чтобы выплунуть ему в физиономию столько присяг, сколько оно потребует их от него,—воспринимал разлезу Францию на Венском конгрессе. Его должны были бы украшать венками, а в него кидают грязью». Но академик Тарле, солидаризирующийся с этой характеристикой Талейрана в той мере, в какой она, по его мнению, объективно справедлива, и говорящий, что «личная убежденность в первенстве интеллекта над моралью» в политике необычайно характерна для эпохи перелома, передавая власть в руки буржуазии», забывает, что Вотрен произносит свои слова по адресу Талейрана в определенном контексте. Вотрен ставит Талейрана в пример Растиньяку, с которым велет цинически откровенную беседу и которому делает весьма нелюбезные и глубоко протестные предложения. Несколькими строками выше приведенного Е. В. Тарле места Вотрен говорит: «Если я еще могу дать вам совет, мой ангел, то придерживайтесь ваших взглядов не более, чем ваших слов. Если на ваши взгляды будет спрос, попробуйте их... Нет приниptions, есть только события: нет законов, есть лишь обстоятельства; человек, стоящий выше других, примыкает к событиям и обстоятельствам, чтобы руководить ими». Вне всякого сомнения, всю знаменитую речь Вотрена, обращенную к Растиньяку, Бальзак строит в плане злого протеста и сам никак не солидаризируется с тем, кого он сделал главным злоеом своего романа. Вкладывая панегирик Талейрану в уста белому каторжнику, становящемуся миллионером и одним из столпов нового буржуазного общества, Бальзак хочет сказать: «Вот какие люди стоят на пороге нашего владычества, господа Лафитты». Бальзак думает от того, чтобы подчеркивать прогрессивность Талейрана.

Людвиг Берне с большим правом мог бы использовать Тарле как свидетеля от исторической защиты. Да, Людвиг Берне

в своих «Парижских письмах» говорит о том, что Талейран—выполненная историческая необходимость, что порицание Талейрана, столь часто встречающееся, «добротельно, но неразумно». Берне пишет: «Мне хотелось, чтобы этот человек жил у меня в комнате: я бы приставил его, как барометр, к стене и, не читая газет, не отворяя окна, каждый день знал бы, какова погода на свете». Но в этих словах Берне ведь тоже легко разгадать иронию. Для Берне Талейран—барометр, или, точнее, флюгер, по которому можно угадывать направление ветра. Талейран умеет великолепно угадывать политическую погоду, которая, как известно, часто меняется, но не меняется в пределах определенного климата, на изучение которого (с чем, вероятно, согласился бы Берне) Талейран не тратил много времени.

Если академик Тарле усиливает в желательном ему смысле показания свидетелей от исторической защиты, то намеренно ослабляет, как опытный адвокат, показания одного из самых видных свидетелей литературного обвинения Талейрана—Жорж-Сана. Е. В. Тарле говорит о знаменитой характеристике, которую дал Талейрану Жорж-Сан в своих «Письмах путешественника»: «Жорж-Сан судил Талейрана с исключительно моральной точки зрения». Несколькими строками раньше академик Тарле пишет: «На Жорж-Сана пахнула в этих великодушных залах князя Талейрана такая трагическими воспоминаниями, что она не воздержалась от самой резкой филиппики». Нам думается, что академик Тарле неправ, когда полагает, что Жорж-Сан дал свой исторический показания под влиянием только внезапных впечатлений или только морального чувства. Мы перечитали «Письма путешественника» и пришли к выводу, что Жорж-Сан не зря дала свою великодушную оценку князя Талейрана. Она писала не только о его наружности, но и о его деяниях: «Никто не знает, никто не может, не должен или не желает объявить, какими правами обладает этот неизбежный государственный деятель на то, чтобы пользоваться властью и славою; его наиболее блестящие действия окутаны непрозрачным туманом, весь его гений заключен в молчании и притворстве».

Жорж-Сан протестует как прогрессивный писатель-демократ против «тупости страны, которая сносит эти бесчестные интриги и которая позволяет полисывать своим именем, своей честью и своей кровью бесчестные сделки, о которых она даже не узнает». Жорж-Сан произнесла нелицеприятное, как у многих, а поистине справедливое разоблачительное осуждение Талейрана, и мимо ее свидетельства, конечно, не пройдет ни один историк.

Да ведь, в сущности, между мнением Жорж-Сана и мнением Бальзака нет такой уж резкой разницы. Разница скорее в литературном приеме: у Бальзака—сарказм, у Жорж-Сана—пафос, у Людвига Берне—ирония.

Мы не хотели бы углублять здесь нашего спора по существу того, оправдывает ли биография Талейрана тезисы Тарле об историческом превращении Талейрана, политика под превращением не определение политической погоды (по Берне), а установление законов нового политического климата. Это и невозможно в рамках газетной статьи.

Суммируем: три современника Талейрана, и самый крупный из них—Бальзак, считали необходимым подчеркнуть то, что Талейран шел в ногу с прогрессом, а, то, что буржуазия, как класс, пользовалась таким злоеом, как Талейран, то, что именно Талейраны при возвышении буржуазии могли и должны были иметь успех. Вот что кажется нам наиболее важным сегодня.

Разница во взглядах на Талейрана между нами и академиком Тарле может быть лучше всего суммирована словами Шенрава: «До того поздно, что даже от серьезных людей случается такие отзаны слышать: мерзавец, но на правильной стезе стоит. Удивительно, как может это быть, чтоб мерзавец стоял на правильной стезе. Мерзавец—на всякой стезе мерзавец, и... едва ли кому-нибудь даже могло в голову прийти считать притчу о мерзавце, на доброй стезе стоящем».

В ДУБРОВНОМ

Сегодня исполняется 20 лет со дня гибели легендарного полководца-большевика Николая Александровича Щорса.

На другой день после того, как тарашанцы взяли Горюхино, туда со своим штабом и ротой бойцов Богусовского полка прибыл Щорс. Коротко поспешавшимся с батюшкой Боженькой, он наметил план дальнейшей операции. Тарашанцы получили распоряжение занять Сосницу и Мелу, откуда должно было развернуться наступление на Нежин. Сам же Щорс решил, не дожидаясь подхода основных сил богусовцев, ударить на Седнев, чтобы, пока противник не опомнится, расчистить дорогу к Чернигову.

Посаженный на сани отряд быстро продвинулся вперед по хорошо укатанной дороге. Верхом на топком телеге кони их выгнали Щорса.

— Не померзли, хлопцы? — крикнул он, равняясь с санями.

Точное лицо его, как всегда, было сурово, но глаза, обведенные глубокими темными, светлыми улыбкой.

— То нехай Петлюра мерзнет, — отозвался, приподнимаясь на лошке, лежавший во всю длину саней Добля. — Вот табачку бы нам, товарищ Щорс... Вещь покурить...

— В Дубровном раздобудь табачку, — сказал Щорс и, чуть прискакивая на стременах, пустил лошадей рысью...

Вдруг головные сани остановились. Наезжая с разгону на передние, стали и остальные. Бойцы соскакивали в снег, спешили узнать, в чем дело.

Яковенко, комдив, протиснулся к головным саням, и сердце у него словно куда провалилось. Поперек дороги лежал порубанный человек. Седая борода его зацепила ржавой сукровиной. Он был почти раздет, и ключья вскробившей от крови рубахи не скрывали жестких ран.

Немного в стороне лежала женщина... Она лежала спиной на снегу с непокрытой головой. Молодая, совсем еще девочка. Но нестерпимой болью искажено запрокинутое мертвое лицо, и широко раскрытые глаза застывали под лоб...

Праздничный наряд ее был изорван. Из-под спешившей на бок клочьятой плахты жалостно просило голое девичье колено. Каплями крови горели на измятом снегу помятые с разорванной спишки кораллы...

Молча толпились бойцы, глядя на страшную картину. Да и что скажешь, — разве слова помогут...

Из этого сурового молчания еще сильнее жалостно просило у Яковенко. Глаз на маленького Дыньина и, сам не рад, поскорее отвел глаза. Бледнее мертвой лицо хлопца, и потерянно, как у маленького, шевелятся губы...

Приподнялся на стременах Щорс, и не гонимый лебедя, а жгучий блеск стали увидел Яковенко в его глазах.

— Богунцы! — сказал Щорс негромко, но голос его звенел, как натрутая лодка струна. — Богунцы! Смотрите, что делают ироды с вашими батюшками и сестрами... Богунцы! По гроб жизни сберегите в сердце своем память об этом!

Дрогнув голос у Щорса. Сказав это, он ударил плетью коня, и тот, присев на задние ноги, скачками вынес его вперед на дорогу...

II

И снова бежали, посприывая, пологая, и снова горячим лихом морозный воздух, но уже потусневший для Яковенко ослепительный зимний день, потому что пришла на смену переполнившей его бездумной молодой радости суровая горечь обиды на проклятую жестокость жизни.

Не мог и не хотел прогнать от себя сполна на век зачехленный памятью обид поруганной девичьей весны, глядя вдалек и видел перед собой тонкие пальцы, бессильно загребающие снег, и ровный ряд влажных зубов, обманчивый не ожидаям поделу, а последней, страшной судорогой смерти и отворачивания...

И уже не удивился, не взволновался Яковенко, а только глубже ушел в себя, когда, не дожидаясь верст пяти до села

Дубровного, отряд повстречал одинокие сани...

— Лодка забрела по грудь в сугроб и стояла так, тревожно поводя ушами. На санях стоял человек. То был пожилой селянин, одетый поверх кофужа в широкую свитку. У него была прострелена нога.

Щорс шагнул распорол голенище и осмотрел распухшую ступню.

— Э, дядько, дела серьезные, — сказал он хмурясь, — сухожилые пуга замела. Кто это тебя угодил так?

Брюхаты и всхлипывая, рассказывал дядько происшедшее с ним, пока Щорс перевязывал ему ногу.

— Кто их знает — встретились якие-то верхами. Первый каже — ты до большевиков в Горюхино едешь, — и хоти мене застрелить. А другой каже — брось, не треба, — тащил палец за руку. Той все ж-таки стрелюгу и ногу мне поранил... А самв поданис, мабудь, до Дубровного...

— Придешь тебе, дядько, недели две на печи понапугать, — сказал Щорс, закончив перевязку. — Только смотри — лежи и не рыпайся, а то велю в лазарет подложить.

— Выны мабудь дохтур у вас? — почтительно спросил дядько пересевшего к нему в сани Доблю.

— Скажет же человек такое: доктор, — усмехнулся Добля, беря в руки вожжик. — Хватай выпле, дядько. Сам Николай Щорс — командир красного полка имени товарища Богунца!

— Дыньис... — только и вымолвил дядько и даже стонать забыл, оглядывая стройную фигуру ехавшего впереди всадника.

III

В Дубровном противника не оказалось. Отряд остановился на площади у церкви, и по улицам засновали квартирьеры.

Было празднично и людно. Наружки толкались вокруг богунцев, старались вступить в разговор, показать, что и они кое-что смыслят в военном деле. Кучками стояли подальше празднично наряженные девочки. Они перешептывались и перемещались между собой, делая вид, что не интересуются прибывшими! Между саней шныряли мальчишки, выпрашивая у бойцов стреляные гильзы от патронов.

Какая-то бабка присела ветро молотка и на жестяной кружке поила бойцов, олея их пампушками.

— Кушайте, кушайте, хлопцы, — приговаривала она, вытирая лощом головное платка набегавшие слезы. — Федька мой тоже молотко любил...

С. КОЖЕВНИКОВ

Первые страницы АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В горах Эликманарского аймака на Алтае жил некогда замечательный старик — Шонкор Шуневко, что в дословном переводе означает Пламенный Сокол. Старого Шонкура знали почти во всех уголках горного Алтая. Пламенный Сокол был известен алтайскому народу как искусный певец и рассказчик. В его ая с'езжались люди из многих долин, и они пели им свои саги под звуки томшюра. Сказки его тянулись долго, иногда две-три ночи. Бывали сказки, которые не он по семь и больше ночей. И слушатели не расходились.

Старик Шонкор Шуневко, этот низенький и горбоплечий алтаец с козырной черной бородой и узкими веселыми глазами, очаровывал слушателей своими сказками и красивыми мечтами о иной, лучшей жизни.

В числе наиболее ревностных слушателей Пламенного Сокола было его маленький внук, которого старик любяще называл Пглас. На самом же деле имя внука было Пг-Кулак, что означает Собачьи Уши. Ему дали это безобразное имя для того, чтобы злой дух Эрлик с презрением отвернулся от ребенка и оставил его в живых.

Первый год своей жизни на земле Пг-Кулак, ныне Павел Кучияк, провел завернутым в собачью шкуру, а потом многие годы носил клочок собачьей шерсти, продетый сквозь ухо.

В 1934 году он записал по памяти сказки дяди умершего Пламенного Сокола. И мы, русские читатели, впервые узнали тогда о замечательных творениях алтайского народа, исключительно ярких, образных и величавых, в которых каждое слово переносит нас в сказочный мир, как цветы Алтая, а гирбоплечи превосходят самую смелую фантазию. Пер-

ред русским читателем был открыт неизвестный доселе чудесный поэтический мир, мир прекрасной фантазии и музыки.

Примерно в эти же годы Кучияку по-настоящему встретился с талантливым сказителем Ойротин Улагашевым. Старик Улагашев еще более укрепил любовь Кучияка к устному творчеству своего народа и познакомил его с ценнейшими сокровищами народной поэзии.

Записав сказки Шонкура Шуневко и Николая Улагашева, сделанные Павлом Кучияком, познакомили русского читателя с образцами героических легенд алтайцев, которые славились охотниками и дымными кустов и пастухами на альпийских лугах. Герои этих сказок — батыры. В сказках они чудовещными образом приобретают богатерскую силу и вступают в борьбу со своими порабощителями: с ханами, баями, шаманами и даже с самим злым богом Эрликом.

Сказки Улагашева и Шуневко рисуют порабощителей жадными, завистливыми и безжалостными, а богатырей народа — смелыми, доблестными, мудрыми и благородными.

В сказках, которые любяще записал Кучияк, народ много предугадал. Но в них, разумеется, не было сказаний о том, что давно уже стало прекрасной действительностью и что наполняет сейчас сердца всех алтайцев и требует воплощения в звучные строфы. Павел Кучияк решил помочь сказителям создать такую сказку. И вот под его влиянием колхозник Даабы Юлаков из поселка Айлу взял томшур и начал складывать сказку о Ленине. Она получила блестящий. Кучияк изложил ее в стихах. Так родилась замечательная легенда о Ленине — «Зажглась золотая заря». Легенда вскоре стала народной, ею был открыт том «Творчество народов СССР», изданный «Правдой» к двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Первые стихи Кучияка были неудачны. Но будем справедливы: Кучияку не легко было начинать свой литературный путь. Перед ним не было литературных образцов в истории алтайского народа он был первым литератором. Еще совсем недавно не было даже литературного ойротского языка, не было грамматики, не было письменности. Алтайский народ был почти поголовно неграмотный.

Кучияк учился на фольклоре. Но вначале эта учеба была некретической. В первых его стихах не было ничего своего, индивидуального. Сейчас этот период предель, пост нашел свой голос, свои образы.

Тема Павла Кучияка, которая проходит через все его последние стихи, это — человек и природа. Основное настроение его поэзии, его поэтическое чувство — чувство любви к Алтаю, преобразователя и украшателя его.

— А где же твой Федька? — спрашивали бойцы.

— Может не вернется, — отвечала бабка и снова вытараплила слезы.

Щорс остановил проходившего мимо селянина, дал ему денег и попросил достать для бойцов табака.

Тот помялся, посмотрел на зажатые в руке деньги, потом на Щорса и ушел, ступив их нерешительно в карман.

Через несколько минут он вернулся и положил на сани с десятком красноватых пучков листового табака самосада.

— Бурито на здоровьечко, — сказал он. Только кто до панского привычек, даже не налягайте, бо уродился цей горюхинок, кажут люди, эде куророса...

— Эй, посторопис, дядько! — крикнул конный разведчик рабой Савченко. Сдерживая разгоряченного коня, он гнал перед собой двух пленных петлюровцев. Один — рослый, постылый, в серой смугловатой шапке и синего сукна бешеме — на бегу все оглядывался, устремившись от наезжавшего на него коня, косясь по сторонам рыжим глазом, словно все еще надеялся обмануть свою судьбу.

Другой, одетый в теплые, стеганные на вате штаны и в такую же фуфайку, бежал понуро, втянув в плечи голову.

Савченко осадил коня и доложил, что петлюровцы пойманы на краю села в клуше, куда они забрались, думая, что их не видят хозяева.

— Мабудь награбувал, сволочь, — сказал он, мотнув головой в сторону носатого, и бросил на снег две нитки дешевых кораллов и серебряное кольцо.

— Кто такие? — коротко спросил Щорс.

— Товарищ начальник, — сказал, тяжело переводя дух носатый, — добровольно отстали от своего курения, чтобы перейти до красных... Дозвольте служить под вашим началом...

Щорс безло оидял его, хотя задержавшись взглядом на расходившихся на груди кричащих сделанной явю не по его росту бешеме, в, не отвечая, повернулся к саням.

— Эты? — спросил он у раненого.

— Выны!.. Выны!.. — растонно закричал дядько, словно увидел добрых знакомых. — О той, что в бешеме, в мене стреляла, а той другой споймал его за руку и каже — брось, не треба...

— Да ты что брешешь, дядько, — закричал петлюровец, подступая к саням. — Я тебя в очи не бачил...

— Паскуды!.. — кричал дядько, сияясь достать его кнутом. — Мабудь ты свои поганые очи повсю продал... Но потревожил болоную ногу и со стоном повалился в сани.

— Довольно! — сказал Щорс и кивнул Яковенко, который, будто ожившая этого, стоял тут же рядом, застывшим взглядом глядя на носатого.

Яковенко достал из кобуры наган и пошел к петлюровцу.

— Товарищ начальник, послушайте, — кричал тот отвернувшись от него Щорсу. — Та то ж старый чорт обманял...

— Поидем, — шопотом сказал Яковенко и толкнул его в бок дулом нагана.

Постылый дернул плечом и скосясь на Яковенко сохруренный рыжий глаз.

— Не хайсае, сам поиду, — сквозь зубы отрывисто он и начал застегивать на груди крочич бешеме.

— Отдай дядько бешему, — жестко глядя ему в глаза, сказал Яковенко. — Она тебе без надобности...

И он указал наганом на открытые ворота церковной ограды.

Петлюровец сбросил на землю бешему, свинув на затылок шапку и, погнав бровью, отдал стоявших вокруг богунцев.

— Проплевайте, алынды, — крикнул он, небрежно мотнув головой. — На том свете угольками сожжемся...

— Вали без пересадки, — в топ ему ответил Добля.

Когда они проходили мимо Дыньина, петлюровец вдруг остановился.

— Падай, дай докурить на останне. Хустку позарую...

Он вытащил из кармана записанный желтыми переливами шелковый жемчужный платок.

— Не куринши, сволочь, слохиешь, — бледная, закричал Дыньин и затоптал недобуренную цыгарку в снег.

IV

Когда Яковенко вернулся, раненого дядьку уже унесли в церковную сторожку, а Щорс сидел на краю сани и, играя плетью, разглядывал донору стоявшего перед ним второго петлюровца.

— Пет, ты мне скажи, кто ты такой? — спрашивал он негромко, словно беседовал на досуге с ним.

Петлюровец молчал, не смея оторвать глаз от земли.

— Что же молчишь? Или от страха памороки забил?

— Одного батька скажанные дети, товарищ Щорс, — сказал, косясь на пленного, Добля. — Рядом им на цвинтаре * место.

— Ты, приятель, помолчи пока, — оборвал его Щорс. — Как думаешь, ведь неубоно перебивать командира?..

Задержал на мгновение пытливым взглядом на осунувшемся за сегоднешний день, словно чуткою возмущавшем даже лице Яковенко, и слова повернулся к пленному.

— Ну, говори же, кто ты? Граф, князь или генерал, может, какой?

— Ни, я — селянин, — сказал тихо пленный, и краска залила его лицо.

— Зачем же ты против селян и рабочих воюешь? Или без панов жить скучно? Да отвечай же, тебя спрашивают!

— А я знаю? — сказал тот, и губы его метко задрожали.

— Так... Не знаешь, значит... — сказал, раздумывая над чем-то, Щорс и пощелкал себя по самому плечу. — А глупому почему не зашигить?..

— Мы тыл порознь ехали. Поздно было, колы побычал...

— А ну, приведи ему коня, — сказал, усмехаясь своим мыслям, Щорс.

Кто-то из бойцов пошел еще не расседланного петлюровского коня.

— Сидись! — скомандовал Щорс.

Пленный стоял неподвижно, не понимая, чего от него хотят.

— Не бойся, сидись!..

— Та ну, садись, граф, чи как тебя там, — сказал Добля, придерживая коня за повод.

Петлюровец долго не мог попасть ногой в стремя. Когда же он, наконец, опасно горбясь, усеялся в седле, Щорс задорно крикнул:

— Теперь скажи, что есть мочи к своим и всем расскажи, что шут богунцы и нет на свете силы их удержат. Ну, манш!

Бойцы громко рассмеялись, но пленный не двинулся с места, хотя по лицу его было видно, что повеселел, поняв, что ему даруют жизнь и свободу.

— Товарищ начальник, мабудь я их уже не нагоню, — сказал решительно он, — бо нас те три дня томя назал оповещали, что богунцы наступают...

— А ты птшей дечи. И юго повстречашь, говоря, чтоб бросали оружие, да по домам расходились. А то плохо будет, — так Щорс сказал!..

И он перегнул коня плетью.

Когда всадник скрылся в голубых зимних сумерках и немного углубилось веселое оживление бойцов, Щорс, прятая усмешку, посмотрел на Доблю.

— Ну, как табачок, приятель?..

— По правде сказать, товарищ Щорс, в горле как распялем дерет...

— Ладно, Добля, в Чернигове панского покурим, — хлопнул его по плечу Яковенко, радуясь, что уходит куда-то назад, в прошлое, проплетая тяжесть, давнишняя его.

— Ну, правильно, товарищ Яковенко, — сказал Щорс и встал с саней, расправляя плечи. — Ступайте на огды, хлопцы. Завтра Седнев.

* Цвинтарь — кладбище, церковная ограда.

«Золотая цепь»

«...Я обдумал только что слышанный разговор. Он встревожил меня, как будете встревожены вы, если вам скажут, что в соседнем саду опустели розы старый пень. Так пишет Грин в своей повести «Золотая цепь», и в этих строках, в сущности, основной смысл его творчества.

Дореволюционная критика почти не пыталась о Грине. Для нее Грин был сотрудником разных тонких иллюстрированных журналов — не более того. Грин не вступал в спор с критикой, он внешне как будто охотно подтверждал свою принадлежность к литературе железнодорожных киосков. Но только внешне. Острая авантюристая фабула, иностранные имена героев, золото, яхты, тропики, океанские прибои — все это во многом было только литературным гримом, чем-то сопутствующим повзрослому писателю, но не природе его искусства. Искусство Грина было мечтательным, пропитанным настоятельной и очень чистой поэзией. Грину совсем не хотелось обязательно поразить читателя тем, что в соседнем саду опустели розы старого пня. Для него важно было иное: не только уверить читателя в возможности необыкновенного, но и передать красотой и близостью этого необыкновенного. И так как Грин был не поставщиком легкого чтения, а поэтом, ему это удавалось.

О Грине часто говорят как о писателе, безжалостно к жизни. Между тем, книги Грина возбуждают ту тягу к прекрасному, которую способны внушать только книги житейщелобов. Если бы дореволюционная критика отказалась от своего мелочного и пошлого пренебрежения к Грину и попыталась определить его место среди литераторов-современников, то ей, конечно, пришлось бы соседями Грина упомянуть писателей-реалистов, а не аккуратных стилизаторов и языков «романтиков». Недаром ранние рассказы Грина напоминают Куприна. Как далеко ни отошел позже Грин от своих первых реалистических рассказов, купринское — лучшее купринское — осталось в гриновском творчестве: ясный и солнечный воздух купринских «Дистригонов». Природное горючие из повести Куприна оказывались не такими уж далекими от Урбазана и Лисса — портов вымышленной географии Грина. И путешествие в фантастическую страну читатель Грина возвращался обогащенный новыми оттенком любви к жизни, новыми привязанностями и вниманием к жизни.

В стихах о Грине советских критиков неизменно встречается имя Элгара. Но в качестве одного из первых учителей автора «Алых парусов». Однако это сближение кажется нам немного поверхностным. Имена По и Грина сочетаются только в узколитературном плане, благодаря известному внешнему сходству стилистических и жанровых особенностей. Но они олицетворяли мир и любил его По и Грин совершенно по-разному, и искусство этих двух писателей на читателя также совершенно различно. Только в очень немногих рассказах — таких, например, как «Крыолов», Грин воспринимает мир мистически. В своих же основных и наиболее характерных произведениях Грин меньше всего старается запугать тайной. Он — не мистик, а эстетик, воспевающий волю к благородному деянию, важность и совершенную необходимость красоты в обыкновенной человеческой жизни. Творчество Грина оптимистично в самой своей основе.

На Грина, сотрудничавший малой прессе, смотрели как на своеобразного русского автора «переводных» авантюристов романов. От него требовали чтива. Между тем Грин сумел остаться художником, к творчеству которого очень трудно подыскать более подходящее слово, чем слово «считота».

«...Я обдумал только что слышанный разговор. Он встревожил меня, как будете встревожены вы, если вам скажут, что в соседнем саду опустели розы старый пень. Так пишет Грин в своей повести «Золотая цепь», и в этих строках, в сущности, основной смысл его творчества.

Дореволюционная критика почти не пыталась о Грине. Для нее Грин был сотрудником разных тонких иллюстрированных журналов — не более того. Грин не вступал в спор с критикой, он внешне как будто охотно подтверждал свою принадлежность к литературе железнодорожных киосков. Но только внешне. Острая авантюристая фабула, иностранные имена героев, золото, яхты, тропики, океанские прибои — все это во многом было только литературным гримом, чем-то сопутствующим повзрослому писателю, но не природе его искусства. Искусство Грина было мечтательным, пропитанным настоятельной и очень чистой поэзией. Грину совсем не хотелось обязательно поразить читателя тем, что в соседнем саду опустели розы старого пня. Для него важно было иное: не только уверить читателя в возможности необыкновенного, но и передать красотой и близостью этого необыкновенного. И так как Грин был не поставщиком легкого чтения, а поэтом, ему это удавалось.

О Грине часто говорят как о писателе, безжалостно к жизни. Между тем, книги Грина возбуждают ту тягу к прекрасному, которую способны внушать только книги житейщелобов. Если бы дореволюционная критика отказалась от своего мелочного и пошлого пренебрежения к Грину и попыталась определить его место среди литераторов-современников, то ей, конечно, пришлось бы соседями Грина упомянуть писателей-реалистов, а не аккуратных стилизаторов и языков «романтиков». Недаром ранние рассказы Грина напоминают Куприна. Как далеко ни отошел позже Грин от своих первых реалистических рассказов, купринское — лучшее купринское — осталось в гриновском творчестве: ясный и солнечный воздух купринских «Дистригонов». Природное горючие из повести Куприна оказывались не такими уж далекими от Урбазана и Лисса — портов вымышленной географии Грина. И путешествие в фантастическую страну читатель Грина возвращался обогащенный новыми оттенком любви к жизни, новыми привязанностями и вниманием к жизни.

В стихах о Грине советских критиков неизменно встречается имя Элгара. Но в качестве одного из первых учителей автора «Алых парусов». Однако это сближение кажется нам немного поверхностным. Имена По и Грина сочетаются только в узколитературном плане, благодаря известному внешнему сходству стилистических и жанровых особенностей. Но они олицетворяли мир и любил его По и Грин совершенно по-разному, и искусство этих двух писателей на читателя также совершенно различно. Только в очень немногих рассказах — таких, например, как «Крыолов», Грин воспринимает мир мистически. В своих же основных и наиболее характерных произведениях Грин меньше всего старается запугать тайной. Он — не мистик, а эстетик, воспевающий волю к благородному деянию, важность и совершенную необходимость красоты в обыкновенной человеческой жизни. Творчество Грина оптимистично в самой своей основе.

На Грина, сотрудничавший малой прессе, смотрели как на своеобразного русского автора «переводных» авантюристов романов. От него требовали чтива. Между тем Грин сумел остаться художником, к творчеству которого очень трудно подыскать более подходящее слово, чем слово «считота».

«...Я обдумал только что слышанный разговор. Он встревожил меня, как будете встревожены вы, если вам скажут, что в соседнем саду опустели розы старый пень. Так пишет Грин в своей повести «Золотая цепь», и в этих строках, в сущности, основной смысл его творчества.

Дореволюционная критика почти не пыталась о Грине. Для нее Грин был сотрудником разных тонких иллюстрированных журналов — не более того. Грин не вступал в спор с критикой, он внешне как будто охотно подтверждал свою принадлежность к литературе железнодорожных киосков. Но только внешне. Острая авантюристая фабула, иностранные имена героев, золото, яхты, тропики, океанские прибои — все это во многом было только литературным гримом, чем-то сопутствующим повзрослому писателю, но не природе его искусства. Искусство Грина было мечтательным, пропитанным настоятельной и очень чистой поэзией. Грину совсем не хотелось обязательно поразить читателя тем, что в соседнем саду опустели розы старого пня. Для него важно было иное: не только уверить читателя в возможности необыкновенного, но и передать красотой и близостью этого необыкновенного. И так как Грин был не поставщиком легкого чтения, а поэтом, ему это удавалось.

О Грине часто говорят как о писателе, безжалостно к жизни. Между тем, книги Грина возбуждают ту тягу к прекрасному, которую способны внушать только книги житейщелобов. Если бы дореволюционная критика отказалась от своего мелочного и пошлого пренебрежения к Грину и попыталась определить его место среди литераторов-современников, то ей, конечно, пришлось бы соседями Грина упомянуть писателей-реалистов, а не аккуратных стилизаторов и языков «романтиков». Недаром ранние рассказы Грина напоминают Куприна. Как далеко ни отошел позже Грин от своих первых реалистических рассказов, купринское — лучшее купринское — осталось в гриновском творчестве: ясный и солнечный воздух купринских «Дистригонов». Природное горючие из повести Куприна оказывались не такими уж далекими от Урбазана и Лисса — портов вымышленной географии Грина. И путешествие в фантастическую страну читатель Грина возвращался обогащенный новыми оттенком любви к жизни, новыми привязанностями и вниманием к жизни.

В стихах о Грине советских критиков неизменно встречается имя Элгара. Но в качестве одного из первых учителей автора «Алых парусов». Однако это сближение кажется нам немного поверхностным. Имена По и Грина сочетаются только в узколитературном плане, благодаря известному внешнему сходству стилистических и жанровых особенностей. Но они олицетворяли мир и любил его По и Грин совершенно по-разному, и искусство этих двух писателей на читателя также совершенно различно. Только в очень немногих рассказах — таких, например, как «Крыолов», Грин воспринимает мир мистически. В своих же основных и наиболее характерных произведениях Грин меньше всего старается запугать тайной. Он — не мистик, а эстетик, воспевающий волю к благородному деянию, важность и совершенную необходимость красоты в обыкновенной человеческой жизни. Творчество Грина оптимистично в самой своей основе.

На Грина, сотрудничавший малой прессе, смотрели как на своеобразного русского автора «переводных» авантюристов романов. От него требовали чтива. Между тем Грин сумел остаться художником, к творчеству которого очень трудно подыскать более подходящее слово, чем слово «считота».

«...Я обдумал только что слышанный разговор. Он встревожил меня, как будете встревожены вы, если вам скажут, что в соседнем саду опустели розы старый пень. Так пишет Грин в своей повести «Золотая цепь», и в этих строках, в сущности, основной смысл его творчества.

Дореволюционная критика почти не пыталась о Грине. Для нее Грин был сотрудником разных тонких иллюстрированных

«Сады цветут»

На всесоюзном фестивале Четвертый горьковский колхозный театр показал два спектакля: «На дне» — несомненно лучшее из того, что мы видели на смотре, и «Сады цветут» — новую пьесу, рожденную в самом коллективе. Ее написали автор театра Н. Г. Кулиниченко и художественный руководитель В. З. Масс.

«Сады цветут» — хорошая комедия. В ней есть прозрачность замысла, легкость и непосредственность. Мораль ее не навязчива, диалог прост и остроумен. Она по-настоящему смешна, а ведь без этого пьеса не может называться комедией.

Вся забавная путаница, происшедшая из-за того, что двое молодых людей — юноша и девушка — скрыли от отца и дяди свою близость, продумана авторами и разыграна актерами с подкупающей непосредственностью. Простодушно, живо разворачивается веселый сюжет, и на первый взгляд за ним нет никакой морали. Отец хочет женить сына на одной девушке, а сын уже женат на другой, но из уважения к старости, из-за боязни спорить отца признается в этом не сразу. В конце концов выясняется, что Тая, на которой он женат, есть та самая девушка, за которую ратовал отец. Вот и все. Как в старом волеволе. А все-таки спектакль расчленен, и не только благодаря хорошему оформлению художников А. Брусины и Л. Постникова и обаянию молодых актеров. Нет, и в самой пьесе, несмотря на ее примитивность, старые приемы как-то омолодились, расцвели веселыми красками театральной весны.

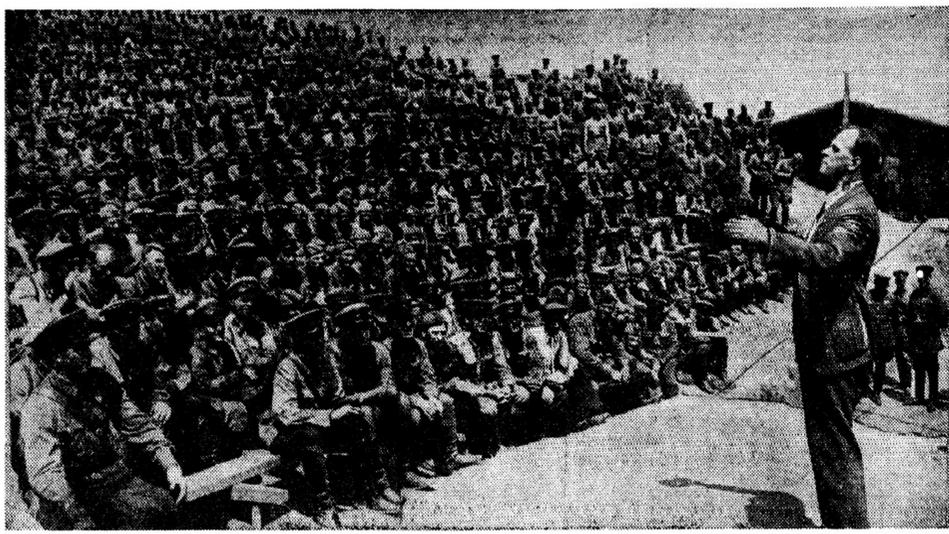
В комедии «Сады цветут» при всей традиционности ее построения раскрываются явления новой советской жизни. Комизм ее — в передаче тех сомнений, которыми обуреваем Карп Иванович, новый человек, преодолевающий пережитки старой морали.

Выйдя из театра, зритель несомненно задумается, почему этот хороший старик оказался в смешном положении, и быть может, взглянет на себя: нет ли и во мне остаток старинки?

В этом мораль комедии. А обаяние ее в том, что новые люди показаны в новых общественных отношениях, что все они — от садового сторожа до агронома-мичуринца, от шофера до врача — связаны узми прекрасной советской дружбы.

Спектакль во многом развил достоинства пьесы и затуманел ее недостатки — рыхлость сюжета, например. Несомненно одаренный комический актер М. Кузнецов очень хорошо играет роль старого Савелия Сечкина, и если бы не излишняя суетливость и злоупотребление высокими нотами, его не в чем было бы упрекнуть. На роль Н. Кулиниченко выпалет двойной удар — он не только автор, но и исполнитель роли Карпа Ивановича. Талантливо играет «неудачника на недоразумении» Петра артист Т. Лондон.

Трудно не полюбить Горьковский театр. В нем столько молодого задора, жизнелюбия, увлеченности своим искусством, что эти чувства передаются зрителю. Театр вырос вместе с колхозами. Его пенят там за все — за спектакли, за массовую работу агитатора и производственную помощь. 1300 спектаклей, 800 тысяч зрителей и 13 постановок, сохранившихся надолго в репертуаре, — таков итог пятилетней работы Горьковского театра. Поэтому у него много друзей среди колхозников, горьковских рабочих, работников искусств.

Народный артист республики, депутат Верховного Совета РСФСР, орденосец Н. К. Чернасов выступил с творческим отчетом на Дальнем Востоке перед бойцами Н-ской части Первой Отдельной Краснознаменной Армии. Фотохроника ТАСС.

«ОТЕЛЛО» НА ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНЕ

Д. ТАЛЫНИКОВ

Гастроли марьяновского театра приходят к концу. Театр показал москвичам, попутно с современными своими постановками, два старых спектакля самого Марьяновича: «Урзал Аюсту» и водевиль 50-х годов «Солнечное затмение в Грузии» — веселый, пленительный спектакль грузинской «Commedia dell'arte». Марьянович — блестящий мастер сценической формы, пионер искусства режиссуры на национальной сцене.

Марьянович-режиссер воспитал ряд выдающихся актеров и указал путь развития грузинской национальной театральной культуры. В эти дни гастрольной театра его имени хочется вспомнить еще об одном, пока неизвестном у нас, последнем по времени, молодом национальном театре Грузии, детстве марьяновского театра, в руководстве которого и среди актеров много непосредственных участников старой марьяновской труппы.

В Кутаиси — издана театральном городе (здесь еще помнят гастроль Савиной, Варламова, Орленева) — Марьяновича в роли революции, как известно, организовал превосходный театр. Позже марьяновский театр обосновался в Тбилиси, а кутаисский театр был закрыт на много лет и только в прошлом сезоне снова открылся благодаря исключительной энергии превосходного организатора, одного из помощников Марьяновича, ныне художественного руководителя театра — Д. Антадзе.

Театр существует только пять месяцев, труппа в нем — насчет собранная и молодая, но в ней имеются и опытные, старые артисты грузинской сцены.

Репертуар кутаисского театра говорит сам за себя: здесь идут две национальные пьесы: современная комедия «Свадьба колхозника» П. Какабадзе и «Вчерашние» Ш. Дадиани — сценки из жизни деревенской Грузии. Тема ее — банкротство грузинского дворянства. В репертуаре кутаисского и две русские пьесы — «Дети Ванюшина» и горьковские «Враги», поставленные с публицистической остротой, и, наконец, «Отелло».

В роли Отелло в кутаисском театре выступает один из старейших грузинских актеров, могучий ее, народный артист республики Имедашвили, в роли Яго — заслуженный артист Зарианишвили, — вот почему этот спектакль сразу приобрел подлинно театральный интерес, который все-

цело оправдывает постановку шекспировского трагедии на сцене молодого театра. Имедашвили — трагический актер, актер полных эмоциональных переживаний.

Обычный тип исполнения Отелло — «западный», итальянский. Мы вспоминаем армянского трагика, последнего блестящего артиста этого типа, игравшего в Москве, — Папазяна; музыкальность, замечательная пластичность, легкость, неубудная и в то же время ритмизованная страстность — вот характер этого исполнения. Имедашвили играет иного Отелло. Это — нечто от героя «Тягачи и одной ночи», ее купцов, халифов и старых обманутых мужей. Это — не молодой, открытый и пылкий любовник, а Отелло, замкнувшийся в себя, переходящий уже в «преклонный возраст», о котором говорит Шекспир, уже пожилой, переживающий свою «последнюю любовь»...

...О ты, последняя любовь... Блаженство ты и безнадежность...

И в этой его любви больше безнадёжности, чем «блаженства». В ней нет ни легкости, стройности «полета», ни наплевистости ребенка. Ни разу улыбка на лице, даже в первую, безмятежную пору любви. Счастье не сияет золотым блеском в его многоопытном, серьезном, сосредоточенном, мрачном взоре. В нем нет планности движений, ритма, внешней живости, величия. У него даже известное однообразие жестов.

Сутуловатый, невысокоский, с несобранным, угловатой походкой, он не гонится за внешней красотой. Этот человек с некрасивым, невыразительным, всегда угрюмым лицом, с черной бородой — не в ярких пышных одеждах Востока, а в туском, довольно кургузом халате... Аскетический Отелло. За что его полюблила Дездемона? Вель у Шекспира она полюблила не только героя, но только «за муку», но и за силу страсти.

Этот Отелло умеет умно слушать, он много думает. Он не кричит. Его речь —

простая, спокойная, такая выразительная и такая динамичная в сильные моменты пробудившихся страстей. Его речь в Сенате — обычный, простой рассказ. Но когда начинается драма, глаза его наливаются кровью, взор мутнеет.

Разговор с Яго ловит Отелло до бешенства, высшего возмущения чувств: он чуть не убивает его. Но он не падает на пол в припадке, как актеры это делают обычно: он, шатаясь, уходит в глубь сцены, замрывает там у колонны...

Сильнейшая сцена в финале — Отелло со спокойствием решимости входит, целует спящую Дездемону. Один и другой раз. Последний поцелуй обжег его, вновь вернул к неголованию. Он думает ее за залернутой занавеской. Позже, когда он видит, что она еще дышит, возмает ей кинжал в грудь (как у Шекспира и как не делают «европейские» Отелло). Это не только для того, чтобы избавить ее от лишних страданий, но это и жест, закатывающий, довершающий с очевидностью и полнотой начатое дело. Отступлений не может быть. Сомнений в правильности показаний нет, как нет сомнений и в самом «преступлении». Он убивает не осознанный, не в аффекте, а сознательно. Это акт зрелой мысли и справедливости, богом и природой установленного возмездия. Это — суд, и он — судья, он — хозяин, он — собственник. Все это он делает с горячей кровью и холодной головой. Поэтому Отелло кажется здесь порою даже слишком трезвым, спокойным. Свершив свое дело, он обессилел. Отходит от ложа Дездемоны молча, размышляет... Его силы исчерпаны, он опустошен, он ступеньку... Но сейчас же этот ступенький Отелло встает навстречу пришедшему, он хопит по сцене, как хозяин, уверенный в том, что сделал правильно. Он спокойно собирает, уходит в соседнюю комнату за шапкой, чтобы достойно встретить тех, кто придет сюда.

Но когда Отелло узнал правду, он опустошен над ложем, плачет над своей Дездемоной суровыми, скупыми и настоящими слезами старого мужчины. Он слезит у стола, понурив голову, опершись рукой, задумавшись. Тогда приходит мысль о единственном выходе. Таков единственный и последний для этого человека суд, и в нем — «отпущение», «катарсис», высшее гармоническое и моральное разрешение всех тяжелых мучительных страстей его жизни.

Беседы Станиславской

В недавно вышедшей книге «Беседы Станиславской» (издание ВТО) читатель не найдет стройного изложения идей Станиславской: «Константин Сергеевич никогда не готовился к тем беседам, которые записаны мною. Он не придерживался делового метода. — Все, что он говорил, претворялось тут же в практические примеры... У него не было точно выработанного плана...» — сообщает автор книги К. Антарова. Слова К. С. Станиславской записывались не стенографисткой, свободной от всех других дел, а одной из учениц, бросавшей часто карандаш для того, чтобы пролежать очередное упражнение. Те фразы, которые Станиславская произносила во время показов или между этими на протяжении нескольких лет, — оказались как бы сконцентрированными в книге.

Это были очень тяжелые годы. Было холодно и голодно. Студийцы собирались в квартире у К. С. и занимались без всякого расписания, зачастую целыми ночами напролет. Когда хватало всем места, — сидели на полу, на ковре. Месяцами упражнялись в ритмическом дыхании, в сгибании и разгибании пальцев. Все это было похоже на секту, — недаром ходили слухи, что в студии занимается учением погов и прочей чертовщиной. Но дух сектанства всегда был чужд Станиславской. «Нельзя думать, что театр — это какая-то секта посвященных, что он оторван и отединен от жизни. Все дороги человеческого творчества ведут к вышнему, к «жизни» (34). Театр — служба своего отечества, — эта идея проходит через все беседы. «Если нет элементарного понимания себя и всего комплекса своих сил как растущих слуг отечества, то в такой театр тоже не нужен, он не будет одной из творческих единиц среди всех творческих сил страны» (24). Проблема истинности искусства находится у Станиславской в тесной связи с тенденциозностью. Тенденциозность они понимали очень грубо. Тенденция выпирала из их спектаклей, будучи, по существу, внешнеполюсной ему. Это было у многих режиссеров так называемого «левого», ложно-левого направления.

Для Станиславской такое внешнее существование идей в художественном произведении невозможно по самой природе его системы. Сознательная тенденция, жизненные наблюдения, воспоминания, сведения, вычитанные из книг, — все это должно быть сплавлено в органическое целое. Пока внешне не стало глубоко личным, своим, интимным, оно не может воплотиться в художественное произведение. Вот почему искусство, за которое борется Станиславская, не терпит какой бы то ни было неискренности, двоедушия, — это прежде всего правдивое искусство.

Станиславская призывает студийцев познать жизнь, развивать в себе внимание «к тем силам, которые бурлят в море человеческих жизней вокруг», улавливать то ценное, что существует в людях, улавливать красоту природы и человека.

Искусство, говорит Станиславская, это не самоцель, но для того чтобы искусство служило жизни, нужно, чтобы каждый художник отдал всю свою жизнь искусству. «В каждом артисте, слуге своего государства, любящем сыне своей родины, должна быть та сила отрешения от личного, которая учит подниматься к героическому напряжению духа».

«Беседы Станиславской» — это прежде всего беседы об этике актера. Станиславская воспитывает в студийце чувство самоотверженности, он требует подчинения всех интересов творческому труду и говорит «не о том искусстве, которое может

казаться пленяющим издалг... и которым можно без труда покорить, но о том, которое составляет всю жизнь человека, весь его труд». Труд в понимании Станиславской — это непростое творческое горение, это не «унылая воля, тупо сосредоточенная на самой себе», а «энергия радостного напряжения», это — освобождение всех творческих сил человека. «Что такое вся ваша жизнь?» — спрашивает студийцев Станиславская. — Если она не беспрерывное творчество в каждый час, то зачем же тогда жить?»

Именно такое понимание труда как естественной потребности художника, а не внешней необходимости, определяет тот лозунг, который, по словам Станиславской, должен висеть над каждым театром: «Проще, легче, выше, веселее».

Станиславской часто упрекают в том, что его система приводит к господству анализа, к чрезмерной детализации. «Беседы Станиславской» показывают нам, что великий мастер, наоборот, всегда призывает к обобщениям, к синтезу. Актер должен уметь показать обыденность и в ней «найти все ступени» от безудержного героического. Нужно изображать человеческую жизнь во всей ее полноте, от слабости до героизма; сливая себя с ролью, нужно проникать в то, что «лежит под мелким и случайным». Никогда не следует останавливаться только на воспроизведении фактов. «Б анализ, — и не очень тонкому, — способны многие, но творчество, роль — это синтез», — говорит Станиславская. И в другом месте подтверждает: «Разложить весь образ анатомически-духовно еще не значит быть талантливым актером».

Интересны те беседы, в которых Станиславская говорит о «героическом напряжении». Они происходили как раз в тот период, когда Станиславская особенно много думала о преодолении натуралистических тенденций в МХАТ. От неудачных попыток сыграть трагедию в приемах, выработанных чеховской драмой, Станиславская шел в поисках новых форм. Отсюда идут требования Станиславской, чтобы «все на сцене — от позы, движения, слова, — должно звучать четко, в полный тон, но не форсировано и не в полтонах... Каждый раз, как бы мимолетно, но была изображаемая вами черта роли, она должна быть доведена в каждом куске роли до четкости героического напряжения... когда внутри вас не обывательская жизнь течет, — очень коротко, очень точно, — но когда ваша мысль и чувство слились и поднялись к акту героического напряжения».

В непосредственной связи с этим стоит требование мужества. Мужество — это не только психологическое условие творческого актера, это прежде всего черта стиля. Больше всего борется Станиславская с сентиментальностью, слащавостью в искусстве. «Даже слезы матери», — говорит он, — надо показывать мужественно».

Часть бесед посвящена систематическому изложению того, как должен работать над собой студийец: внимание и бдительность, спокойствие, мужество и т. д. Вся эта терминология подвергается в дальнейшем значительному видоизменению, равно как и сущность многих психотехнических приемов. Для понимания технологии системы «Беседы» имеют, конечно, неизмеримо меньшее значение, чем «Работа актера над собой». Но и в них актер и режиссер смогут почерпнуть много ценных практических указаний. Изложение системы в них проще и схематичней, чем в книге самого Станиславского, поэтому «Беседы» при критическом подходе к ним могут служить как бы комментарием к отдельным местам последней книги Станиславской.

И. Ш.

Е. КОНОНЕНКО

О беспокойных ребятах и благодушном журнале

Пожалуй, ни один читатель не жлет так нетерпеливо своего журнала, как жлет его школьник, пионер. «Мой журнал», — говорят дети. Это — гордо. Свежая книжка «Пионера» нетерпеливо перелистывается быстрыми ребячьими пальцами; жадные глаза бегают по страницам, заглядывают в начало, в конец, в середину. Журнал, как современник, уносится в свой упол. Ему верят подчас больше, чем родителям или учителям.

Это налагает огромную ответственность на журнал. — Он может быть настоящим помощником советской школы и семьи в деле коммунистического воспитания детей.

Он может учить ребят жить, может прививать им страсть к борьбе, к знаниям, к труду, лепить их характеры и вкусы, помогать им расти настоящими коммунистами.

Увы, до сих пор журнал «Пионер» выпоняет это далеко не так блестяще, как он может и должен это делать.

Перед нами четыре книжки журнала. Было бы неправильно утверждать, что в них нет ничего интересного и ценного. Безусловно интересно и полезно было ребятам читать о жизни Менжинского, Свердлов, Тараса Шевченко, Щедрина. Такие очерки очень необходимы в детском журнале, в хотелось бы, чтобы над ними работали мастера слова. Как охотно, например, и в каком волнении читают дети Паустовского о Ленине.

Хороша была статья «О коммунизме» — ясная, простая. Безусловно интересно и полезно было читать «Как человек стал великаним» М. Ильяна и Е. Сегал. И о «Турбинке академика Калитцы» прочли с большим любопытством. Жаль только, что автор не показал с достаточной силой трудностей этих научных исканий. Из материалов, расширяющих научный кругозор детей, привлекли также внимание «География весенней» М. Вальгина, «Вле-

Журнал «Пионер» №3—6, 1939 г.

чи жизни» Н. М. Сисакяна, а из статей, знакомящих читателя с грандиозными стройками третьей сталинской пятилетки, — «Большая Волга» П. Лопатина и «Второе Баку» А. Богданова.

Притянулись пионером советы о том, как высушить спички, как правильно разжечь костер, что наблюдать в лесу. Ну, потом — загадки, самоделки, кроссворды... Все это, конечно, мило и желанно детскому сердцу.

А еще что?..

А еще «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» — неумирающего любимца детей Жюль Верна.

Я слышала недавно спор двух папаш. Один из них говорил, что он чрезвычайно доволен, что в журнале «Пионер» печатается Жюль Верн, по крайней мере, есть что почитать. А другой сердилась.

— Зачем в журнале Жюль Верн? Ну, скажите, зачем? Неужели нечего печатать?

— Что вы? Это очень занятно для ребят. Мой сын с наслаждением читает. Я и сам читаю.

— Пусть печатают отдельной книжкой, — перебил сердитый папаша, — журнал есть журнал. Он должен посвящаться за жизнь, учить чему-то путному ребятам. Вот у меня сын растет. Я очень им доволен. Старайся и так и этак, по всякому. Выпущай журнал — пусть журнал мне помогает. А журнал Жюль Верн печатает! Мало ли что они врасе читают. Они и Пинкертон будут читать — только печатайте.

— Дети любят фантастику!..

— Ну, и прекрасно. Ну, и давайте им свою, современную, советскую фантастику. Где она?

Несмотря на все мое уважение к Жюль Верну, я присоединяюсь ко второму папаше. Так много надо сказать журналу «Пионер», но столько вопросов, волнующих детские сердца и умы, надо ответить, так редко он выходит, — честное слово, можно было бы обойтись без Жюль Верна, а «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» издать отдельной книжкой.

Обязанности журнала — воспитывать из детей коммунистов, борцов. Речь идет не о скучной дидактике и рассказках с моралью. Журналу нужна, как воздух, высокохудожественная беллетристика о нашей действительности и о прошлом, которая языком образов учила бы ребят познавать и изменять мир.

Максим Горький близко к сердцу принимал все, что пишется для детей. Это его волновало, мучило, радовало, об этом он думал, спорил, заболтался. Сколько раз в своих статьях, столь хорошо известных нашим литераторам, Максим Горький настойчиво звал писателей отлить лучше, что у них есть и может быть, ребятами. «Дети растут для будущего», — напоминал Горький старым и молодым собратям по перу. «Дети должны быть умнее, сильнее своих отцов». «Не боясь больших слов, мы должны сказать, что наши дети должны воспитаться еще более активными вождями мирового пролетариата. И для этого мы обязаны вооружить их с малых лет всею силой знаний, необходимых для сопротивления консерватизму старого быта, влиянию косной, мешанской среды».

Хорошо повести, рассказы, стихи... Где все это в «Пионере»? Каждый номер журнала минимума полуполу должен быть заполнен высокохудожественной беллетристкой. А мы прочитали четыре последние книжки журнала и наши весьма

бледные и случайно попавшие в номер рассказы. «Спартаклада в Тушинке» Г. Замчалова — сусальная безделушка о том, как Ефимка стал пловцом, «Мишка» С. Радзиевской, где рассказывается в псевдодокладном стиле о летних встречах Сережи на лоне природы в заволжском поселке, — все это читателю ничего не даст, ни одной мысли не затронет, ни одного чувства не шевельнет.

Рассказ А. Крачковской «Валя» преследует как будто благую цель: показать, как дурно хвастовство и тиешавство, самолюбование и эгоизм. Но почему-то в конце рассказа та самая Валя, которая еще вчера поступила так эгоистично, так не по-товарищески с подружкой Женей, выводится совершенно безобидной хохотушкой и «остроумной» шалунишкой. В рассказе два типа девочек, из которых одна немножко смешивает на робкую, заблудную деревенщиночку кукуарину дочку, а другая — на барышню, дочь богатой мамы. Непонятно это на сегодняшний день. Воскрешен какой-то старомодный сюжетный лубок. Правильнее и куда важнее было бы раскрыть тему хвастовства и эгоизма, показав обыкновенных девочек, каких ребята видят у себя в школе.

Рассказ А. Писменного «Вася и Василий Васильевич» начинается с загадочной истории о Васильевом отце. Вася Куррипов своего отца никогда не знал. Кто он и что с ним, жив ли он, умер ли, не погил ли он в гражданскую войну, — ничего ему мать не говорила. Как ни пытался Вася узнать что-нибудь от матери об отце, это ему не удавалось. Мать твердила одно: «Отца у тебя нету, ты — сирота». Читатель настораживается: что такое? Загадочная история отца невольно притягивет. Но ни в начале, ни в середине, ни в конце рассказа эта загадка не разрешается. Так и остается неизвестным, кто же Васин отец и что с ним. Невольно возникает вторая загадка: зачем понадобилась автору сия интрига, которой посвящено больше двух страниц? И что он вообще хотел сказать своим рассказом?

Нет, не весело обстоит дело с беллетристкой в журнале «Пионер»!

В шестом номере редакция начала печатать школьную повесть А. Югоза «Черный дракон». Сейчас о ней говорить еще рано. Но начало обещающее.

Письма из детской жизни, которые печатает редакция журнала в четырех но-

мерах, малоинтересны. Вот, например, «Переписка вожатых звеньев». Задумано хорошо. А переписка не заливает за живое пионеров. То же самое можно сказать и о заметках стенографического характера, скуло рассказывающих о жизни форшота, о драмкружке.

А ведь ребята могли бы дать журналу замечательные, полные дыхания своего детства и отрочества, письма. Такие письма, о которых спорили бы в отрядах. Одно такое было напечатано в журнале. Это письмо горьковского пионера Толи Плитт. Оно затронуло много волнующих детскую душу и среду воспитателя вопросов: о хулиганстве, о ложном понятии героизма, об отношении детей одной национальности к детям другой национальности. Но журнал слишком легко разделался с этим письмом. Очень хорошо, что был напечатан ответ Ем. Иржавского. Но разве одним ответом исчерпавать всю сложность темы — «каким должен быть пионер».

Каким должен быть пионер? — на этот вопрос должны бы отвечать своими произведениями писатели, поэты, и ученые, и красивые командиры. И наши рабочие-изобретатели, стахановцы в союзе с писателями.

И отвечать на этот вопрос пионер — это не значит писать только о нем самом. Все равно — о нем ли или не о нем, но для него. Чувствовать, что твое слово жут, сознавать, что оно, твое слово, должно поселить в детском сознании здоровые вихоры.

Приходилось ли вам наблюдать, как читают ребята свежую книжку «Пионера»? Разные ребята... Благодарные и отчаянные, «отличники» и лентяи, грубые и вежливые. Те, которые хотят стать первыми жонглерами, и те, которые мечтают покорить стратосферу... Когда смотришь на их лица, жадно склонившиеся над страницами своего журнала, невольно отменяется почти одинаковое выражение лиц: дети ищут в журнале для себя что-то очень важное, каких-то сокровенных ответов.

Что они ищут? Каждый, по-разному, что-то свое, нужное ему дозрелу. Девочка, которая растет без матери, может быть, жлет от «Пионера» слов, которые сказала бы ей только мать; отца она не рещается и спрашивать о многом. Мальчику, который болел жадной совершить героический подвиг, способный его про-

славить, не удается пока совершить ничего героического; ему кажется, что он — посредственность, он мучается и допытывается у своего журнала ответа на свои сомнения.

У двух пятнадцатилетних подружек — первый школьный роман, они переживают смелые чувства. А мать ругается, а учительница стыдит, а ребята смеются... Не скажет ли им что-то важное для них журнал? Личная трагедия другого пионера еще глубже — у него судили отца, и от него отвернулся лучший товарищ, Сенька. «Почему, почему Сенька отвернулся? — с горечью думает мальчик, — это несправедливо, это плохо. Вель он же меня знает! П потом вель сам Сталин сказал, что сын не отвечает за отца». Отца оправдали, и товарищ вернулся к мальчику. Он признался, что хотел быть с ним, но мать не везела... «Правда ли была Сенькина мать?» — беззащитно спрашивает школьник свой журнал.

И тысячи других вопросов, терзающих пытливого и жадного детского мозг. А журнал молчит... И больно видеть, как подчас ребята, набросившись сначала на свежую книжку журнала, равнодушно откладывают ее потом в сторону.

Да, «Пионер», несмотря на все интересное, что там встречается, призральный какой-то. Смехается на пай-девочку и пай-мальчику, нарицательно и мало похож на наших шустрых, пытливых, беспокойных и подчас дерзких ребят, которых Максим Горький любовно называл «чертепятами».

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что наши писатели и поэты все еще очень далеки от журнала «Пионер». Не беспокоит он их, повливаю, так, как беспоклоло детское чтение Максима Горького.

Но вель издавать журнал для наших детей, наследников социалистической революции, будущих хозяев мира — задача чрезвычайно трудная и ответственная. Одной редакцией не справиться с этой задачей до тех пор, пока сами писатели — лучшие, талантливые писатели — не будут считать издание журнала для детей своим кровным делом.

ДЕНЬ «ДАВИДА САСУНСКОГО»
В ЦПКИО им. ГОРЬКОГО

Центральный парк культуры и отдыха им. А. М. Горького посвящает день 6 сентября тысячелетию бессмертного армянского эпоса «Давид Сасунский».

В культурно-просветительской вечер с докладом об эпосе и концертом. В навальном интернационального воспитания будет прочитан доклад на тему «Литература советской Армении».

На центральной эстраде после доклада «Тысячелетие армянского эпоса «Давид Сасунский» состоится выступление коллективов художественной самодеятельности Дома культуры Армении. В читальном зале и в фойе библиотеки им. Ленина устраивается выставка переводов эпоса «Давид Сасунский» и современной армянской литературы.

На площадках отдыха у культурно-просветительской консультации на тему: «Армянский эпос «Давид Сасунский», «История Армянской ССР» и «Литература советской Армении».

Большой торжественный вечер для трудящихся Москвы в честь тысячелетия «Давид Сасунского» состоится в Зеленом театре. Вечер откроется вступительными словами тов. А. Фалева и А. Толстого. Доклад об армянском эпосе сделает поэт С. В. Шервинский. Затем выступят поэты-переводчики эпоса, советские писатели и представители заводов Москвы.

В заключение — большой концерт армянской музыки.

Парк в этот день будет специально оформлен.

В утробе дня, посвященного армянскому эпосу, принимают участие союз советских писателей СССР, Академия наук, Комитет по делам искусства, Дом культуры Армении, Постпредство Армянской ССР, Радиокомитет.

«ДАВИД САСУНСКИЙ»
НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Писатель Альфред Курелла перевел на немецкий язык большую отрывок из «Давид Сасунский» — от рождения Давида до его победы над Мерамеликом. Это первый перевод бессмертного армянского эпоса на немецкий язык. Читатели смогут ознакомиться с гениальным произведением армянского народа в книге 10—11 немецкого издания журнала «Интернациональная литература».

ПОЭМА

АВЕТКА ИСААКЯНА

Известная поэма Аветки Исаакяна «Мер на Сасуна», написанная на мотив эпоса «Давид Сасунский», выходит в юбилейный день в переводе поэта К. Липскерова в Госиздате Армения в Ереване и в издательстве «Советский писатель» в Москве.

Поэма будет также напечатана в предисловии академика И. Орбели в № 8—9 журнала «Новый мир».

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ
ТОКТОГУЛА

Киргизия усиленно готовится к юбилею великого акына Токтогула Сатылганова. Художники Киргизии работают над произведениями, связанными с жизнью и творчеством великого писателя. Заслуженный деятель искусств художник С. А. Чуклов пишет картину «Токтогул среди народа».

В Джалал-Абадском районе образована районная юбилейная комиссия под председательством депутата Верховного Совета Киргизской ССР тов. Каримова.

24 и 25 октября на предприятиях, в колхозах и школах района будут устроены литературные вечера и доклады о жизни и деятельности Токтогула.

Кетмен-Тюбинский колхозно-совхозный театр ставит к предстоящему юбилею отрывки из пьесы Джоэмарта Боконбаева — «Токтогул».

ПАМЯТИ
М. М. КОЦЮБИНСКОГО

Черниговским музеем Коцюбинского приобретены неизвестные до сих пор письма М. М. Коцюбинского, адресованные покойному скульптору академику И. Гинзбургу, М. Норданской и Г. Мачету. Эти письма, написанные в годы большой дружбы Коцюбинского с Горьким, представляют значительный интерес. В них Коцюбинский проявляет большую братскую заботу о здоровье Алексея Максимовича, живо откликается на события литературной жизни того времени.

Большую ценность имеют эти письма и для выяснения эстетических взглядов великого украинского художника-реалиста.

К исполняющемуся в сентябре семидесятилетиями украинского писателя М. М. Коцюбинского издательство «Художественная литература» выпускает однотомник его избранных произведений в переводе на русский язык, под редакцией и с предисловием И. Стебуна.

Некоторые из вошедших в однотомник произведений М. М. Коцюбинского впервые печатаются на русском языке. Значительная часть книги переведена поэтом Н. Ушаковым. Им переведены «Фата-моргана», рассказы «Дорогой ценой», «Ильона плещет», «Репсодок гтате», «Тени забытых предков» и «Подарок на именины». Кроме того, в книге печатаются переводы Е. Глухарева, Е. Неженцева и С. Спирта.

«ИСПАНСКИЙ ТЕАТР
XVI—XVII ВЕКОВ»

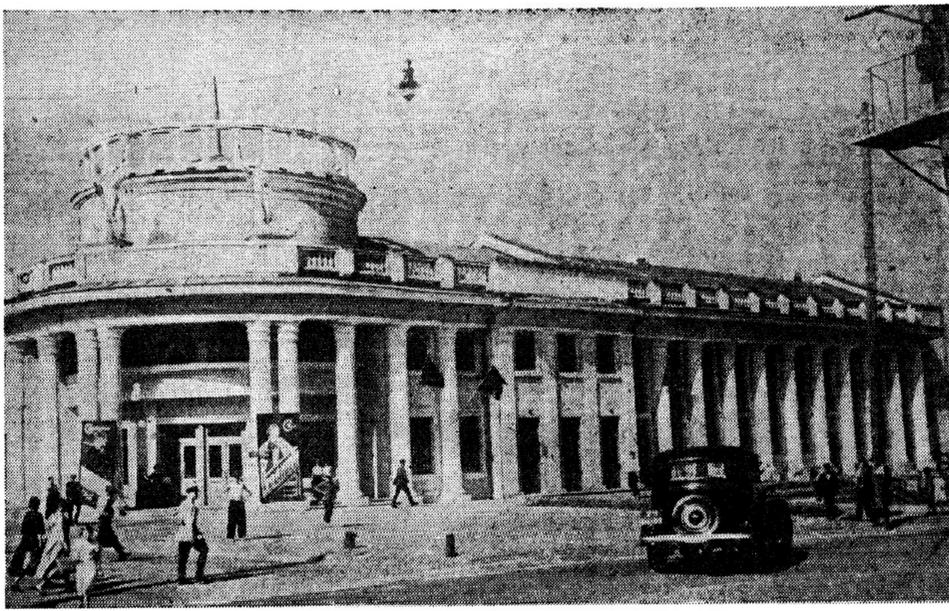
В издательстве «Искусство» вышла книга С. Инатова «Испанский театр XVI—XVII веков».

В книге дан очерк развития испанского драматургии и театра в период их наивысшего расцвета. Особое место отведено анализу творчества Лопе де Вега.

Издание иллюстрировано и хорошо оформлено.

Литературная газета

6 — № 48

Новый кинотеатр им. Щорса в г. Чернигове

ПО СТРАНИЦАМ
ЖУРНАЛОВ

«КРАСНАЯ НОВЬ»

Готовится к печати № 8—9 «Красной Новь». Книга открывается второй частью нового романа Ю. Либединского «Ватаги и Ватаги» — из прошлого горских народов. В отделе художественной прозы печатаются также повести А. Тарасова «Крупиный зверь» и Н. Атарова «Начальник малых рек», детский рассказ П. Зайкина «Желтый парашют», два коротких рассказа Ерма Доромо и очерк В. Подемкиной «Своей смертью». Большой интерес представляют печатаемые в номере сказки известного сказителя С. Писахова.

Большое место в поэтическом разделе журнала занимают переводы В. Державина, С. Шервинского и А. Кочеткова из 2-й, 3-й и 4-й частей эпоса «Давид Сасунский».

Из оригинальных поэтических произведений печатаются стихи С. Кырсапова «Неразменный рубль», три стихотворения Ст. Шпачева и «Свадьба» Н. Тарусского.

Наиболее крупные произведения публицистического и критического отделов, напечатанные здесь, это глава из биографии В. Маяковского «Товарищ Константин» В. Перцова, статья А. Горнфельда «Чеховские концы».

«ОКТАБРЬ»

В 6-м номере журнала «Октябрь» (орган союза советских писателей Башкирии) помещена коллективная поэма башкирских поэтов о счастливой жизни башкирского народа. В отделе поэзии, кроме этой поэмы, напечатаны стихотворения М. Синдулки («Солдат возвратился на родину»), Т. Арсланова («Монголка»), Г. Гумерова («Привет»).

Читатели с удовлетворением прочтут стихотворение Джамбула «Ленин», впервые переведенное на башкирский язык Э. Ихановым и Г. Ярыкаповым.

В отделе прозы — рассказы С. Агитова «Приключенье» и «Потерянная девушка» — Э. Кырпа.

В критическом отделе печатаются статьи А. Кулаш — «М. Горький и советская башкирская литература».

Журнал заканчивается справочной заметкой Э. Иханова о классике азербайджанского народа Низами Ганджеви.

20-летие
со дня гибели
Николая Щорса

КНЕВ. (От наш. корр.). Двадцатилетие со дня гибели легендарного героя гражданской войны, украинского Чапаева, Николая Александровича Щорса, исполнилось 30 августа, киевские художники отметили большой работой.

Художник Г. А. Сокуринский изготвил аншлаг художественного оформления музея Щорса, открывающегося на родине славного героя — в г. Щорсе, Черниговской области. Для этого музея молодые киевские художники работают над полотнами, изображающими боевые эпизоды из жизни Н. А. Щорса: художник П. И. Судатик написал картину «Бой Щорса под Бердичевом». Интересны эскизы «Бой под Коростенем» и «Бой под Клишинами» художников Пашецо и Савилен.

В клубах, музеях и библиотеках Украины открыты специальные выставки с витринами произведений советских писателей о Щорсе и о других героях гражданской войны.

Украинское издательство «Мистецтво» («Искусство») выпускает «Вогуцкую песню» композитора Добровольского на текст украинского поэта Андрея Малышка. Выходит также из печати клавир оперы «Щорс» композитора-орденоносца Лютинского. Композитор Рыбальченко написал симфоническую поэму «Щорс».

ПО СОВЕТСКОЙ
СТРАНЕ

* Член-корреспондент Академии наук Е. Бертельс закончил монографию о жизни и творчестве азербайджанского поэта и гуманиста Низами. Эта книга выходит издательством «Искусство» в русском и азербайджанском языках. Над книгами об эпохе и творчестве Низами работают также академики И. Орбели, проф. Дондуа и группа научных работников института Академии наук. Писатель Мамед Ариф пишет книгу «Низами и современность». («Башкирской рабочий»).

* Лучший сказитель Бурят-Монголии Магай (Бог Иванович Сорочковский) знает 120 народных песен, свыше 400 легенд, пословиц, поговорок и около 100 сказок. Сейчас готовится издание его книги «Сказки Магай». («Бурят-монгольская правда»).

* Группа карельских писателей переводит на свой язык отрывки из армянского эпоса «Давид Сасунский» — «Санасар и Балдасар». Перевод будет напечатан в девятом номере журнала «Карелия». («Ирская Карелия»).

ПЕРЕДВИЖНОЙ МУЗЕЙ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Темносиний классный вагон с серебристой надписью «Передвижной музей Т. Г. Шевченко» прибыл на полевою станцию. Об этом быстро узнали железнодорожники и колхозники окрестных деревень, которые пришли посмотреть музей, оборудованный доприроде и политотделом Юго-западной железной дороги.

Любопытные посетители внимательно просматривают каждый экспонат, каждый документ о жизненном пути великого борзари.

Три книги отзывов заполнены записями трудящихся разных профессий и возрастов: тут и паровозники, и эксплуатационники, и путевцы, жены-активистки, колхозники, школьники, красноармейцы. Все они знают великого украинского поэта, всем им близка его жизнь, его произведения.

Передвижной музей Т. Г. Шевченко существует уже пятый месяц и за это время обслужил множество станций, развозов, рабочих ремонтных колонн, околотов пути.

Организация передвижного музея Т. Г. Шевченко — большое культурное дело. Очень важно бы показать этот музей железнодорожникам братских национальных республик Кавказа, Средней Азии, трудящимся Дальнего Востока.

ХРОНИКА

— В ашхабадской киностудии переведется на туркменский язык историко-революционные фильмы — «Ленин в 19-м году» и «Человек с ружьем».

— Подготовлены к печати два сборника стихов на кабардинском языке. В первый сборник вошли стихи поэтов тт. Сижаева и Кожарова. Во втором сборнике — стихи начинающих поэтов. Книги выходят в Кабардино-Балкарском издательстве.

— Группа молодых педагогов Астрахани, работающих в педагогическом институте им. Кирова, направилась в Икрянский и Камызякский районы для сбора рыбачьего фольклора Волго-Каспия.

— Ростовское отделение ССП организовало совместно с горкомом комсомола встречу писателей с детьми. Перед детской аудиторией выступили прозаики Г. Шолохов-Синявский, Ж. Кобанов, А. Шамколов и поэты В. Жак, А. Сафронов и П. Симонов.

ПИСЬМО ИЗ ЯКУТСКА

И. ЖИГА

Каждый день подожму и к газетному киоску на главной улице города Якутска в надежде купить какую-нибудь московскую газету. И только один раз — это было 24 июля — с радостью приобрел я «Правду»... от 22 мая.

«Литературная газета» доходит сюда обычно через 15—20 дней, и так как другой информации о литературной жизни Советского Союза здесь нет, оторванность якутских писателей от общественной и литературной жизни страны ощущается очень сильно.

Поездка в Москву требует не менее двух месяцев (если ехать туда и обратно паролком, автомобилем и железной дорогой) и минимумом трех тысяч рублей.

Так далека Якутка, так сложен к нему путь.

Правда, в старину ехали сюда люди не более и не менее, как два года. Теперь при самой максимальной скорости, при отсутствии каких бы то ни было задержек в пути, летом, в долгие дни на самолете можно долететь от Москвы до Якутска за 6 дней. Но это возможно только в исключительных случаях. Когда же наступает осень и весенняя распуштина, никто, вероятно, не ценит так всю великую значимость радио, как жители Якутии, ибо иная связь с центром, кроме телеграфа и радио, прекращается.

Немудрено, что в союзе писателей Якутии было то, чего не было в других писательских организациях.

Здесь, например, практиковалась одно время ежемесячная оплата писательского труда по ставке среднего советского служащего.

Отменили это дело только после того, как убедились во вредности такого «мелкоплатного» отношения к писателям.

До самого последнего момента сотрудники редакции двухмесячных литературно-художественных сборников состояли в штате союза писателей. Союз составлял эти сборники, редактировал их, подготавливал к печати и передавал в издательство. Издательство же в свою очередь подвергало эти сборники второй редакции.

Объяснялось это исключительно нежеланием издательства увеличить свой штат на две единицы. Потребовалось вмешательство

Обкома партии, чтобы убедить руководителей издательства в нецелесообразности такого положения.

До съезда писателей в Якутске не было литературной организации, и только теперь она организуется.

Всех странностей и недостатков не перечислять.

Не избежала якутская литература и вражеской деятельности буржуазных националистов. Были тут свои «защитники якутской литературы», «отцы», «соавтеры». После их разоблачения напавших, разумеется, перестраховались, которые вдумчиво начали обвинять во вредительстве людей, совершавших ошибки, но оставшихся честными советскими писателями.

Были склоки, подсаживанье, взыскания. Все было!

Первый республиканский съезд писателей Якутии (1—5 июля) сыграл громадную роль в ликвидации последствий вредительства и установлении здоровой творческой атмосферы среди якутских писателей.

Съезд писателей был окружен громадным вниманием со стороны партийной, комсомольской и советской общественности. С трибуны съезда выступили ответственные работники Обкома ВКП(б) и Комсомола, зам. председателя Верховного Совета Якутской АССР, представители искусства, печати. В дни съезда внимание советской общественности Якутска было приковано к вопросам состояния и развития якутской художественной литературы, и это подняло работу съезда на высокий идейный уровень.

На съезде беспоманно были вскрыты и вражеская работа буржуазных националистов в литературе, и серьезные ошибки отдельных писателей, близко соприкасавшихся с ними.

На съезде был нанесен решительный удар по мелкобуржуазному чванству и за-

янятству одних писателей и по незащищенному возведению друг друга. Говорилось об этико-моральном поведении писателей, о необходимости суровой большевистской критики и самокритики и о недопустимости вместе с тем заезжалства вместо товарищеской помощи писателям и оценки литературно-творческих ошибок как политических.

Впервые в якутской советской литературе уделено было должное внимание устному народному творчеству, и на самом съезде десять лучших якутских певцов и сказителей были приняты в члены союза писателей.

Обсуждалось на съезде и чисто творческие вопросы: ценный ряд произведений якутских писателей получил должную объективную оценку.

Новое правление союза писателей в количестве семи человек избрано тайным голосованием. В правление вошли наравне со старыми квалифицированными писателями и молодые авторы.

Правление установило деловой контакт с республиканской печатью и с издательством, чего до сих пор не было.

Никто до сих пор всерьез не занимался переводом наиболее значительных произведений якутской литературы на русский язык, не было никакой работы по выявлению и воспитанию литературно-критических кадров, никто не занимался фольклором. Новое правление организует секции: переводческую, критическую, фольклорную.

Разработан обширный план литературной и политической работы писателей.

Но самое важное сейчас то, что якутские писатели благодаря съезду вышли на свежий воздух на душевную, ваткой дыры, куда они забыли, словно доверяясь выдуманным «отцам» и «соавтерам» якутской литературы.

Якутские писатели увидели себя в окружении истинных друзей и товарищей, почувствовали, что партийная и советская общественность Якутска всячески поможет им, создаст нормальные условия для творческой работы.

И надо сказать, что писатели советской Якутии с жаром принялись за работу.

«КОЛХОЗНОЕ СЧАСТЬЕ»

Ежедневно с утра на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в павильонах и на площадях кипит горячая работа. Две бригады лучших кинооператоров (режиссер М. Слудский, ассистенты Я. Бабурин и М. Спандарян, главный оператор В. Макасов) снимают большой звуковой художественно-документальный фильм «Колхозное счастье». Этот фильм — о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 г. — предполагается послать в Международный кинофестиваль в Ваннах.

Первые кадры фильма посвящены всенародному торжеству — открытию выставки. Засяет съезд в Москву мастеров социалистического земледелия — знающих людей нашей страны. Стремительным потоком мчатся автомашины с почетными гостями по широкой магистрали вновь проложенного шоссе, мимо прославленной скульптуры Мухомовой, к триумфальной арке — главному входу на выставку. С песнями и плясками проходят переводы людей дружной семьи народов СССР на площади Колхозов. Пятнается торжественный митинг. Глава правительства Советского Союза тов. Молотов открывает выставку. Выступают флаги, мощной струей взлетают фонтаны, открываются двери павильонов, прославляющих победу колхозного строя.

Засяют павильоны Грузии, Армении, Азербайджана, Украины, Сибири, павильон хлопка, городок животноводства, чудесный Мичуринский сад.

— Самое замечательное в нашей увлекательной работе, — делится своими впечатлениями режиссер фильма М. Я. Слудский, — это люди. Мы покажем, как жадно переживают они опыт друг у друга, изучают победы колхозов, заключают социалистические договоры о соревновании и уже сейчас готовятся вновь завоевать право участвовать на выставке в будущем году.

В фильме — полная галерея знаменитых колхозников, таких, как бывший свинарник, ныне орденосец директор свинофермы и депутат Верховного Совета СССР Манефа Васильевна Карюкина, чьи выдающиеся рекорды нежат богатства нашей родины.

Засяют для фильма и юные натуралисты, горячие энтузиасты преобразования природы, беседующие с академиком Н. В. Цициным.

Великолепное феерическое зрелище от множества огней представляет собой выставка ночью, когда на ней проносятся народные гулянья.

В фильме много песен и плясок самодеятельных ансамблей национальных республик. Во время большого колхозного бала, который покажет самодеятельность Московской области, за столом будет исполнена новая песня В. И. Лебедева-Кумача.

Музыка к фильму написана композиторами братьями Дм. и Дан. Покрасс.

Фильм снимается в короткий срок — месяц. На-днях в течение трех часов над выставкой летал дирижабль «СССР В-8». На борту его находились кинооператоры Б. Макасов и Б. Шер, заснявшие выставку с птичьего полета.

НОВЫЕ КНИГИ

В издательстве «Художественная литература» выходят книги:

Л. Н. Толстой — «Война и мир». Том третий, «Школьная библиотека». Первые два тома «Войны и мира» уже выпущены в школьном издании. Четвертый том выйдет в ближайшем времени.

Бронислав Кежум — «Дороги в мир». Стихи и песни. В сборнике два раздела: «Стихи о Щорсе» и «Молодость». В первом разделе автор рисует образы рядовых участников революции и показывает некоторые черты замечательного революционера Щорса. Второй раздел посвящен лирике и современным политическим темам.

В Украинском государственном литературном издательстве за последние время издан ряд новых книг советских писателей Украины: однотомник избранных стихотворений Павла Тычины, романы «Щорс» С. Скларенко, «Александр Пархоменко» П. Панча, сборник новелл «В дороге» Н. Рыбака. В роскошном издании вышла «Сказка про Иваса Голика» Л. Первомайского с многокрасочными иллюстрациями художника Б. Крюкова. На русском языке изданы: третья часть романа «Фронт» М. Тардова, сборник рассказов «Друзья детства» В. Горина. На еврейском языке издательство выпустило большой роман в стихах Ицка Фейфера «Большие границы».

До конца этого года издательство наметит выпустить однотомник драматических произведений Александра Корнейчука, роман К. Гордиенко «Мужую лину жала», сборник рассказов П. Северова «Рыбак» (на русском языке) книгу И. Колодольны «Тревожные ночи», сборник новых лирических стихотворений В. Сосуря «Люблю».

На русском языке будут изданы сборники избранных стихов Николая Ушакова и Павла Бесполодного, а также первая книга стихотворений молодого русского поэта Л. Озерова «Приднепровье».

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшее дни выпускает сборник статей «Шота Руставели и его время», в которых советским читателям дается ряд сведений о Шота Руставели, о его гениальной поэме и о его эпохе.

ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). В Чувашском государственном издательстве вышел из печати «Фома Гордеев» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского в переводе на чувашский язык.

Слается в производство перевод повести А. Толстого «Хлеб».

28 августа в зоне отдыха Всесоюзной сельскохозяйственной выставки открылся вновь выстроенный Зеленый театр. На сцене театра начались выступления колхозной художественной самодеятельности Московской области. Программа выступления состоит из песен и хореографических номеров, инсценированных режиссером Московского Малого академического театра С. Алексеевым и драматургом В. Гусевым. Тема написанного ими сценария спектакля — праздник в колхозе.

С особенным подъемом были исполнены «Колхозная песня о Москве» В. Гусева, музыка Ф. Маслова, «Колхозная оборонная песня» А. Суркова, музыка А. Новикова, песня «Тетушка Христина» М. Исаковского, композитор Д. Васильев-Буглай, заключительная песня спектакля «Славься, родина» И. Дунаевского по тексту И. Добролюбова.

Большой успех в спектакле выпал на долю колхозных хора, хореографического коллектива, оркестра народных инструментов и замечательного красноармейского ансамбля песни и пляски Московского военного округа, а также коллективов народных национальных плясок Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Владимир Ричиотти был руководителем секции прозаиков ленинградского отделения ССП. Гораздо любящий литературу, Владимир Владимирович был превосходным организатором работы секции. И все те, кому приходилось сталкиваться с Владимиром Владимировичем, никогда не забудут той энергии и страсти, которую он вкладывал в эту свою работу.

С юных лет Владимир Владимирович работал мальчиком в одной из петроградских типографий. Это было в годы мировой войны. За распространение газеты «Правда» он был уволен. Затем он работал подручным слесарем на петроградских заводах.

Октябрь 1917 года встает его в морском красногвардейском отряде. Владимир Ричиотти участвовал в атаке Зимнего дворца и был ранен. В 1918 году Ричиотти участвует в Ледовом походе (вывоз военного и торгового флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт). Вскоре его избирают председателем судебного комитета транспорта «Агитатор». В 1919 году Владимир Ричиотти был послан в продовольственным отрядом в Пензу для изготовления хлеба Петрограду. Летом 1921 года союз моряков направляет его учиться в Петроградский университет. По окончании университета в течение десяти лет Ричиотти работал в Балтийском торговом флоте в разных должностях, начиная от консультанта по трудовым делам и кончая начальником организации труда морского флота и порта.

Безвременная смерть Владимира Ричиотти выразила из наших рядов человека незаурядной биографии, талантливого писателя, прекрасного друга.

Мих. Спосинский, Всев. Рождественский, Невалы Ванни, Евг. Соборский, Б. Вальба, М. Фроман, Лев Канторович, А. Семенов, С. Величкин, П. Капича, А. Штейн, И. Араменко, Б. Бялик, Б. Лавренев, А. Прокофьев.

Редакционная коллегия: В. ВИШЕНСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

САНАТОРНО-ЛЕЧЕБНЫЙ ОТДЕЛ
ЛИТФОНДА СССР

ПРИНИМАЕТ ЗАЯВЛЕНИЯ
ОТ ЧЛЕНОВ ЛИТФОНДА О ПОМЕЩЕНИИ
ИХ ДЕТЕЙ в возрасте от 4 до 7 лет
В ДЕТСКИЙ САД.

Заявления подавать до 10 сентября, приложив метрическую выписку ребенка.